Л. М. ВАСИЛЕВСКІЙ.

ПО СЛѢДАМЪ ВОЙНЫ.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ ВОЕННАГО ВРАЧА.

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

Изданіе состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА покровительствомъ СКОБЕЛЕВСКАГО КОМИТЕТА. Петроградъ. Мытнинская ул., № 27.

Петроградъ, дозволено военной цензурой 6 Іюня 1916 г.

Тип. Имп. Ник. воен. акад. Петроградъ, Суворовскій пр., 32-б.

Первые шаги.

1.

Не особенно крѣпкій и здоровый, я всегда былъ „ультраштатскимъ“ человѣкомъ и по своимъ симпатіямъ, и по привычкамъ. Но вотъ налетѣлъ вихрь и я— военный докторъ, въ кителѣ цвѣта хаки, съ узкими погонами, съ шашкой на боку, съ револьверомъ въ кобурѣ.

Форму эту я надѣлъ еще тамъ, въ далекомъ Петроградѣ, и въ первое время, когда мнѣ на улицѣ козыряли солдаты, это льстило не только самолюбію моего восьмилѣтняго мальчугана, но и жены. А мнѣ, давно отвыкшему отъ яркихъ перемѣнъ петроградцу—было, какъ будто, жутко и стыдно...

Здѣсь, въ „маленькомъ гарнизонѣ“, необычайность этого новаго положенія понемногу перестаетъ меня волновать. Я быстро осваиваюсь съ военными терминами, съ интересомъ вникаю въ суть приказовъ и съ важнымъ, полнымъ сознанія своей отвѣтственности видомъ, сижу на собраніяхъ офицеровъ.

Такова покоряющая и втягивающая сила военнаго строя: рѣзкій переломъ, произведенный въ моей жизни офицерскими погонами, очень скоро сгладился, новый порядокъ сталъ естественнымъ. Точно никогда и не было иначе, точно всю жизнь была война и никогда я не былъ штатскимъ, никогда не жилъ вмѣстѣ съ близ-

кими, а только, какъ вотъ теперь, писалъ имъ ежедневныя открытки...

А иногда мнѣ кажется совсѣмъ обратное.

Иной разъ, особенно на собраніяхъ офицеровъ, гдѣ мы, врачи, скромно слушаемъ, сидя въ уголкѣ, меня вдругъ охватываетъ изумленіе. Я обвожу глазами свою, неожиданно стройную, новую какую-то фигуру, и внезапно теряюсь.

Я готовъ съ недоумѣніемъ протереть глаза. Гдѣ я? Кто это вокругъ? Дѣйствительность ли все, что я вижу, или это длящійся сонъ—призрачный, колдующій сонъ?

Но это ощущеніе также внезапно проходитъ, какъ и появилось; я снова чувствую, что „все въ порядкѣ", все обстоитъ именно такъ, какъ слѣдуетъ.

Я—часовой, я стою на стражѣ здоровья тысячи солдатъ. Я—членъ великой санитарной арміи, которая залѣчиваетъ раны войны, ея „бракъ и ломъ", по мѣткому выраженію Пирогова...

Нравственное состояніе врача на войнѣ вообще исключительное: для него все въ ней ясно, все безспорно и незыблемо.

Самый заядлый сторонникъ вѣчнаго мира, и тотъ не поколеблется признать, что раненыхъ-то во всякомъ случаѣ лѣчить надо. Какія бы цѣли не преслѣдовала данная война—муки раненыхъ одинаково святы.

Это даетъ громадную нравственную поддержку медицинскому персоналу во всякой войнѣ. Тѣмъ болѣе, конечно, ясно и свѣтло на душѣ русскаго врача теперь, когда Россія стоитъ въ числѣ народовъ, воюющихъ за правду и культуру.

И когда на душу отъ грозовыхъ событій, отъ одиночества иной разъ падаютъ тѣни, — вспоминаешь народный, освободительный характеръ нынѣшней войны, ея неизбѣжность и необходимость—и снова душа свѣт-

лѣетъ, и всѣ „штатскія“ мысли таютъ, уходятъ куда то далеко...

2.

Въ крошечномъ сѣверномъ городкѣ, гдѣ формируется наша дружина, жизнь течетъ еле-еле, по капелькамъ. Деревянные, хлюпающіе тротуары, точно игрушечный „Гостинный дворъ“, сонная „Соборная площадь“.

Старинныя церковки въ центрѣ города, а за рѣкой два забытыхъ монастыря, мужской и женскій.

На улицѣ то и дѣло попадаются монахи, — кряжистые, бородатые мужики. Они больше напоминаютъ древнихъ воиновъ, какого-нибудь Пересвѣта или Ослябу, чѣмъ богомольцевъ.

Ихъ черныя рясы эффектно сочетаются съ защитнаго цвѣта солдатскими гимнастерками. Солдатъ на уличкахъ еще больше, чѣмъ монаховъ: почти военнымъ лагеремъ сталъ мирный городокъ.

Но казармъ въ немъ нѣтъ, и солдаты размѣщены частью постоемъ, частью въ городскихъ зданіяхъ.

Въ погожее утро ранней осени я спѣшу въ одно изъ этихъ „милитаризованныхъ“ помѣщеній.

На полу, усыпанномъ примятымъ за ночь сѣномъ,— брызги солнца, на пирамидѣ ружей и матовомъ холодѣ штыковъ веселые, бойкіе зайчики.

Идетъ тѣлесный осмотръ ополченцевъ. Бодро и охотно подходятъ они къ моему столику, и въ ихъ глазахъ пробѣгаютъ искорки.

Эта жизнерадостность была, конечно, временная, — позднѣе, на фронтѣ ее смѣнило просто дѣловое, ровное настроеніе. Но это между прочимъ, — вернемся къ приподнятому настроенію первыхъ недѣль.

Оно поражало меня. По обычной, по будничной мѣркѣ чего бы имъ, кажется, ликовать? Оторвали чело-

вѣка отъ семьи, отъ родной почвы, собираютъ его въ далекій путь, гдѣ ждутъ лютыя опасности и огромныя, необозримыя задачи... И вотъ, подите же: не только истово, „на совѣсть“ исполняютъ эти люди свой долгъ, но радуются душевно...

Широко, по-дѣтски улыбаются корявыя лица.

И когда видишь эту улыбку, становится стыдно за свою слабость.

Съ чувствомъ неловкости, бывало, вспоминаешь, какъ ночью ворочался безъ сна на постели, отдаваясь малодушнымъ мыслямъ о женѣ и дѣтяхъ, о Невскомъ, о красивыхъ домахъ и одеждахъ, о душистыхъ рукахъ женщинъ...

— Мосягинъ, здоровъ? — по списку вызываю я, очнувшись отъ внезапнаго наплыва штатскихъ мыслей.

— Такъ точно, здоровъ.

— Елфимовъ, здоровъ?

— Такъ точно, здоровъ.

Большинство упруго и звонко бросаетъ свое „такъ точно“, другіе-же переминаются съ ноги на ногу и стыдливо описываютъ свои болѣзни.

Съ непривычки трудно уловить основную жалобу каждаго, и я стараюсь призвать на помощь свой давнишній, полузабытый уже, опытъ земскаго врача въ деревнѣ.

— Такъ что, ваше благородіе, — говоритъ одинъ, насупившись и неопредѣленно указывая обѣими руками мѣсто на груди, гдѣ болитъ—здѣсь грызетъ послѣ ѣды и въ головѣ круженіе. И потомъ, питье долитъ. И еще, ваше благородіе, грудью скучаю — просто никакой возможности.

— А желудокъ какъ?

— На желудокъ, ваше благородіе, не обижаюсь, а вотъ кашѣль сильная. И задышка дюже беретъ.

— А давно ли ты боленъ?—спрашиваю я, озадаченный обиліемъ жалобъ и стараясь выдѣлить главное.

— Давно.

Если бы я удовлетворился этимъ глухимъ отвѣтомъ, мнѣ бы никакъ не пришло въ голову, что это „давно“ означаетъ всего два—три дня, а не долгіе годы.

Разный у „насъ“ и у „нихъ“ языкъ, разное міроощущеніе, разныя оцѣнки. И не то, что „войти“, какъ хвастаютъ многіе, но хотя бы только приблизиться къ психикѣ солдата удается съ большимъ трудомъ и очень медленно.

Вотъ, напримѣръ, два образчика взаимнаго—у меня и солдата—непониманія. Прямо въ анекдотъ просятся.

Желая узнать, какой у больного аппетитъ, я спрашиваю какъ-то:

— Кушать тебѣ хочется?

Большинство такъ и понимаетъ, что рѣчь идетъ о томъ, каковъ вообще аппетитъ. Но одинъ ошарашилъ меня отвѣтомъ:

— Никакъ нѣтъ; только что сытно пообѣдалъ.

Другого больного я какъ-то спросилъ, какъ онъ „до вѣтру“ ходитъ. И получилъ такой отвѣтъ:

— Одѣвши и шинель въ рукава.

Поэтому первой моей заботой было, поскорѣе, присмотрѣться къ солдату.

Кое-что, конечно, я сталъ подмѣчать уже съ первыхъ дней. И прежде всего я увидѣлъ, какъ много незлобивости, довѣрчивости, чистоты и чувства долга въ этихъ некрасивыхъ, не „эстетичныхъ“ фигурахъ.

Что прямо умиляло меня въ первое время, — это большая доза дѣтскости, ребячливости въ ихъ неуклюжихъ, тяжелыхъ обликахъ.

Въ средѣ солдатъ часто вспоминаешь себя еще юнцомъ, въ гимназіи.

Пожаловался мнѣ какъ-то Лафѣевъ, недалекій и несуразный вологжанинъ, на своихъ товарищей:

— Скажите имъ, ваше благородіе... что это, право! Пинаются... Оны всѣ на меня... утромъ, ваше благородіе, ка-акъ накинутся!.. засмѣютъ даже... А всѣхъ больше, вотъ энтотъ, Акундиновъ Иванъ.

— Ты что же это, Акундиновъ, а? — спрашиваю я, стараясь сдѣлать строгое лицо, что, впрочемъ, плохо мнѣ удается.

Акундиновъ смотритъ на меня, потомъ на Лафѣева, и гримасничаетъ такъ шаловливо, такъ по школьнически хитро, что я готовъ самъ заулыбаться и ему, и всѣмъ вокругъ, и бодрому осеннему солнцу. Акундиновъ и Лафѣевъ перебрасываются еще парой взаимныхъ упрековъ, и вотъ уже звенитъ круглый, раскатистый смѣхъ среди сѣрыхъ фигуръ и между пирамидами ружей.

Смѣхъ обогрѣлъ всю комнату, смѣшался съ брызгами солнца и черезъ открытую форточку вырвался на волю.

Какъ эти люди жадны къ шуткѣ! Какъ рады подхватить всякій поводъ къ смѣху! Не надо особенно удачной остроты—достаточно, если фельдшеръ пообѣщаетъ здоровенному бородачу, который томится зубами: „Ничего, до свадьбы заживетъ".

Или выразитъ сомнѣніе, не хитритъ ли солдатъ: „Можетъ, у тебя, землякъ, не нога болитъ, а стрѣльба? Можетъ, лѣнью хвораешь, а?"

И вотъ уже заскорузлыя, отданныя только суровому долгу, черты разглаживаются, и вотъ уже по нимъ зыблется легкій, праздничный смѣхъ.

Особенную чистоту и спокойную ясность выражаютъ черты этихъ людей еще потому, что они *трезвы*, что вмѣстѣ со всей страной торжествуютъ они великое чудо—побѣду надъ пьянствомъ...

Какъ-то я замѣтилъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ городка, на почтовой дорогѣ, одинокій крестъ.

— Чей это?—спрашиваю у ямщика.

— А это здѣсь одного замерзшаго похоронили. Давно уже.

— Какъ же онъ замерзъ? На самой дорогѣ?

— Да, вить, пьяный былъ, — нехотя и хмуро отвѣчаетъ ямщикъ.

Таковъ „памятникъ" возлѣ городка, гдѣ теперь не видно ни одного пьянаго...

3.

Въ строгой тишинѣ, достойной великой поры, какую переживаетъ страна, прислушивается наша формируемая дружина, а съ нею и весь чинный городокъ, къ тому, что происходитъ „тамъ", въ дѣйствующей арміи.

Въ сумеркахъ убогая мѣстная типографія успѣваетъ, наконецъ, отпечатать и разослать очередное сообщеніе Штаба о ходѣ военныхъ дѣйствій, и бородатые купцы на порогѣ своихъ лавокъ читаютъ вслухъ узкія желтыя полоски телеграммъ. Вокругъ тѣсно стоятъ „вольные" вперемежку съ солдатами. Слушаютъ чинно и строго, точно обѣдню.

Чтецъ мало искушенъ въ географіи, и потому торопится пройти мимо названій пунктовъ на чужихъ фронтахъ: очень ужъ слова трудныя. Онъ проглатываетъ ихъ вмѣстѣ съ знаками препинанія и выдѣляетъ лишь самое главное: наши взяли въ плѣнъ столько-то... французы заставили непріятеля отступить...

— Да, нынче получше стало, — резюмируетъ кто-нибудь одинъ туманныя новости, и всѣ расходятся, сосредоточенные, полные ожиданія и готовности къ неожиданностямъ...

Но все же душа этихъ людей, съ которыми мнѣ

придется прожить вмѣстѣ—сколько времени?—душа ихъ для меня и для всѣхъ нашихъ офицеровъ загадка. Пока, по крайней мѣрѣ.

По настоящему сближаться мы начнемъ только „тамъ“ на фронтѣ: насъ спаяетъ общность великихъ задачъ, насъ объединитъ общій языкъ—языкъ опасностей, мукъ и крови...

Очень отрадно, что теперь стали считать желательнымъ близость офицера къ солдату.

— „Надо намъ, г.г. офицеры,—горячо убѣждалъ насъ старый полковникъ, мѣстный воинскій начальникъ,—какъ можно ближе стоять къ людямъ, тогда вовремя будете выяснять и устранять всѣ неудовольствія. Когда я былъ въ строю, я всегда такъ дѣлалъ и оттого смѣло могу сказать: меня люди любили“.

И въ нашемъ „маленькомъ гарнизонѣ“,—отношенія между офицерами и солдатами простыя, и, что всего важнѣе, свободныя отъ парализующаго страха.

Тѣмъ проще, конечно, отношенія съ врачами, людьми „заурядъ-военными“, такъ сказать.

4.

Почему-то насъ, врачей, уже съ самого начала считаютъ какъ бы готовыми офицерами. Предполагается, что разъ человѣкъ въ формѣ, то онъ уже само-собой знаетъ весь военный обиходъ, всѣ правила и распорядки. Но это, разумѣется, вовсе не такъ, и мы, врачи, самымъ комичнымъ образомъ попадаемъ нерѣдко впросакъ.

На этой почвѣ со мной въ началѣ войны произошелъ забавный случай. Веселую минуту доставилъ онъ одному изъ нашихъ ротныхъ командировъ, бывшему тутъ же.

Передъ зданіемъ околотка выстроилась рота, въ ожиданіи врачебнаго осмотра. Я подошелъ къ строю,

хотя рѣшилъ не начинать одинъ, а дождаться прихода старшаго врача.

Фельдфебель, увидѣвъ позади меня своего ротнаго командира, гаркнулъ:

— „Смирна-а! Глаза направо!“

Я же, еще неопытный въ правилахъ строя, отнесъ это привѣтствіе къ себѣ, поэтому я пріостановился и насколько съумѣлъ молодцевато крикнулъ:

— Здорово, ребята!

И въ отвѣтъ услышалъ громогласное:

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

Это вышло такъ пышно и такъ для меня неожиданно, что я сконфузился и покраснѣлъ до ушей.

Чтобъ какъ-нибудь скрыть смущеніе, я протянулъ руку за ротнымъ спискомъ, который былъ въ рукахъ у фельдфебеля. Но тотъ невѣрно понялъ мое движеніе: польщенный, онъ быстро схватилъ мою руку и крѣпко пожалъ ее.

Вышелъ, такимъ образомъ, двойной промахъ: сначала я,—по невѣдѣнію, конечно,—потребовалъ къ себѣ слишкомъ большого почета, на какой не имѣлъ права, а потомъ, наоборотъ, „принизилъ“ свое званіе, запросто пожавъ руку нижнему чину.

Позади меня въ эту минуту раздался добродушный смѣхъ: это хохоталъ надъ моимъ невѣжествомъ ротный командиръ.

Конечно, не всѣ военные врачи таковы: немало, такъ называемыхъ „кадровыхъ“ врачей, надѣвшихъ форму еще задолго до войны, которые въ знаніи „службы“ не уступятъ строевику. Немало и такихъ, которые, хотя и призваны только теперь, сразу какъ-то почувствовали себя военными и освоились со всѣмъ укладомъ среды.

Есть среди врачей даже настоящіе фанатики дисциплины,—эти чувствуютъ себя болѣе „службистами“,

чѣмъ сами строевые офицеры. Я знаю, напримѣръ, любителей пробирать на улицѣ солдатъ за плохую отдачу чести, за погрѣшности противъ формы и пр.

Разсказывали даже про одного главнаго врача, будто онъ отъ всѣхъ больныхъ требовалъ знаковъ внѣшняго почета. При его входѣ въ палату раздавалась, будто бы, команда.

— „Встать, смирно!"—и всѣ больные соскакивали съ коекъ и „ѣли глазами" начальство...

Это, разумѣется, уродливая крайность, и врачи такого рода, къ счастью, очень рѣдки.

Большинство же врачей ближе къ противуположной, гораздо болѣе невинной крайности: это типичные „штафирки", безъ военныхъ традицій и съ весьма слабымъ налетомъ военной выправки. Но эта особенность, не желательная съ военной точки зрѣнія, не мѣшаетъ имъ, конечно, исполнять свой долгъ врача честно и самоотверженно.

Въ мирное время рѣзкое несходство могло бы стать источникомъ постоянныхъ треній между врачами и офицерствомъ, но сейчасъ—до того ли и тѣмъ, и другимъ! Война сгладила острые углы, объединила всѣхъ въ общемъ долгѣ и общей цѣли.

И если строевики иногда подсмѣиваются надъ нашей „невоенностью", то дѣлаютъ это совершенно добродушно и необидно. Долго, помню, у насъ въ дружинѣ смѣялись, вспоминая, какъ одинъ врачъ рапортовалъ бригадному командиру.

Готовясь къ этому событію, онъ все твердилъ про себя, что надо будетъ сказать не „все обстоитъ благополучно",—эта формула давно отмѣнена,—а „никакихъ происшествій не было". И... именно поэтому отрапортовалъ по старому „все обстоитъ благополучно"..

Вдобавокъ, отъ волненія, онъ не произнесъ слова рапорта отчетливо и громко, какъ полагается, а прямо-

таки прошепталъ ихъ куда-то въ верхнюю часть генеральскаго плеча...

...Все это, разумѣется, только пѣна, только мелкая зыбь той новой среды, куда меня забросила война. Съ каждой недѣлей подобныя мелочи таютъ, отходятъ въ сторону передъ лицомъ сложныхъ и серьезныхъ событій, какія развертываются въ мірѣ.

Дебютъ дружины.

1.

Безчисленная литература о войнѣ обычно описываетъ эпизоды уже сложившихся, готовыхъ боевыхъ единицъ; наблюдатели и участники военныхъ дѣйствій любятъ изображать подвиги частей войскъ, уже имѣвшихъ ранѣе военный опытъ, не новичковъ въ ратномъ дѣлѣ.

Моя же задача другая: мнѣ хочется бѣгло припомнить первое столкновеніе съ стихіей войны новенькой, всего за полгода до того сформированной, ополченской дружины.

Въ числѣ ея офицеровъ я, въ качествѣ врача, пережилъ горькія минуты „дебюта", который трагически не удался дружинѣ.

Въ концѣ-концовъ, истинной сущности войны, ея тайны не дано никому описать. Ибо только въ самой обстановкѣ столкновенія можно пріобщиться къ ней, ибо для этого нуженъ самый воздухъ поля сраженія, самый запахъ крови...

Разсказать это до дна—немыслимо...

Вотъ почему, прибавлю кстати, никогда—и меньше всего за первые полгода моего офицерства—не могъ я понять, въ чемъ сущность таланта полководца, какова природа военнаго генія.

Проявленіе этого генія, его оттачиваніе и подготовка такъ оторваны отъ современной жизни, такъ

чужды буднямъ двадцатаго вѣка,—что непонятно, какъ эти мирные будни могли воспитать Рузскаго, Жоффра, Юденича, вообще героевъ нынѣшней войны?

Но это между прочимъ: я отвлекся отъ моей темы. Это и не мудрено—такъ много мыслей, чувствъ и недоумѣній толпится въ моей „штатской“, столь внезапно надѣвшей папаху съ кокардой, головѣ...

Итакъ,—о нашей ополченской дружинѣ.

Не воевать еще, но хоть „понюхать „воздухъ войны дружина имѣла случай только теперь, черезъ полгода подготовительныхъ переходовъ и скитаній съ сѣверо-востока нашей необъятной родины все ближе и ближе на западъ, въ районъ военныхъ дѣйствій.

Ощупью, исподволь проникая въ глубь военныхъ правилъ, навыковъ и требованій, мы также постепенно приближались къ прусской границѣ,—и вотъ, наконецъ, мы въ маленькомъ городкѣ О. на млавскомъ направленіи, въ 42 верстахъ отъ границы.

Почти тридцативерстный переходъ изъ мѣстечка Р. порядкомъ утомилъ нашихъ солдатиковъ, и уже черезъ два часа послѣ прихода въ О. занятыя нами казармы погрузились въ крѣпкій сонъ.

— Вотъ когда, наконецъ, начинается наша походная жизнь!—думалъ я, съ наслажденіемъ вытягиваясь на походной кровати, которую поставилъ прямо въ казармѣ мой денщикъ.

Я, избалованный петроградецъ, не способный раньше шагу ступить безъ посторонней помощи и живо ощущавшій всякій недостатокъ въ комфортѣ—я могу, оказывается, почти безъ труда, мириться съ самыми непривычными условіями жизни.

Взять хотя бы воздухъ въ этой казармѣ. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ хорошо сострилъ: „Духъ войскъ, правда, превосходный, но... довольно чижолый“...

Дѣйствительно, „чижолый“... Отъ трехъ десятковъ

спящихъ—точно ко дну пошли!—солдатскихъ тѣлъ идетъ крутой терпкій запахъ, который туманитъ голову. Тѣмъ не менѣе, я очень скоро заснулъ, сморенный долгой ѣздой верхомъ и волненіями дня.

А на утро, еще не совсѣмъ разсвѣло,—опять закопошились помятыя, сутулыя фигуры, съ кряхтѣніемъ и затяжнымъ кашлемъ стали люди готовиться къ новому выступленію.

Длинной—длинной сѣроватой лентой потянулась дружина изъ города черезъ мостъ. Опять та же, еще не сплошь замерзшая рѣка Наревъ—старая знакомая: мы ее охраняли въ мѣстечкѣ Р., откуда сейчасъ прибыли. Но здѣсь она гораздо шире и какъ-то внушительнѣе: хотя бы самой Вислѣ впору!

Великолѣпное солнце конца января искрится на снѣгу вдоль обочинъ. Копыта моего Сѣряка—милый, глупый, неуклюжій Сѣрякъ!—бодро постукиваютъ по скользкому, почти безснѣжному шоссе.

На душѣ спокойная ясность, и эту ясность читаешь въ каждой парѣ глазъ, въ каждомъ стукѣ шаговъ. Вѣришь въ свои силы, вѣришь въ нужность, въ неизбѣжность того, что всѣ мы дѣлаемъ...

Но вотъ, наконецъ, и деревня Б.; здѣсь будетъ помѣщаться нашъ штабъ и двѣ роты, остальныя же роты—въ ближайшихъ деревняхъ.

„Квартирный вопросъ“ рѣшается съ двухъ словъ: я и одинъ прапорщикъ уже черезъ полчаса сидимъ за чаемъ въ избѣ крестьянки-польки съ пятью дѣтьми.

Мужъ нашей хозяйки, незадолго передъ войной эмигрировалъ въ Америку, и семья ни разу еще не успѣла получить отъ него ни вѣсточки, ни денегъ...

А жизнь и ея главное сейчасъ содержаніе—война—знать ничего не хотятъ: цѣны на все сразу очень выросли, заработковъ нѣтъ, и Болеславъ, смышленный,

забавный шестилѣтній панъ, большой поклонникъ моей шашки и папахи, имѣетъ явно полуголодный видъ...

* * *

...Ну вотъ теперь мы, наконецъ, перешли на походное положеніе!

Наша дружина сумѣетъ-таки доказать, что она пригодна не только „для внутренняго употребленія“, какъ подшучиваетъ все тотъ же острякъ-офицеръ, но и для дѣйствительной борьбы съ врагомъ...

Мысли эти сильно волнуютъ меня, и я ложусь въ кровать возбужденный, какъ бы опьянѣвшій.

Но и теперь я засыпаю тотчасъ же—не мѣшаютъ даже клопы, о присутствіи которыхъ сочла своимъ долгомъ предупредить меня наша хозяйка, пани Анеля.

Какое, кстати, унылое и мертвенное лицо у этой пани Анели! То́чно тяжелый жерновъ, влачитъ она бремя своей осиротѣвшей жизни, своего ненасытнаго маленькаго Болеслава и его четверыхъ братьевъ и сестеръ...

На утро—снова чудесное январьское солнце и алмазы въ снѣгу. Снова припудренныя деревья, звонкій стукъ подковъ по шоссе...

Рѣшительно, природа хочетъ отпраздновать наше пріобщеніе къ ратному дѣлу, наше вступленіе въ ряды нападающихъ и защитниковъ!

Шутка ли: мы здѣсь, въ какихъ-нибудь двадцати верстахъ отъ непріятеля! Вотъ какъ велико довѣріе къ намъ, какое серьезное испытаніе намъ предстоитъ!

Однако, если на насъ нападутъ нѣмцы и отрѣжутъ отъ моста черезъ Наревъ, что намъ тогда останется дѣлать? Изъ города О. намъ поддержки не смогутъ оказать, да, вѣроятно, и самый мостъ врагъ поспѣшитъ уничтожить.

Такія „небоевыя“ мысли, къ чести нашихъ офицеровъ, возникли далеко не сразу: тревогу породило одно сообщеніе, дѣйствительно непріятнаго свойства.

На другой же день послѣ нашего прибытія въ Б., часовъ въ девять вечера, въ помѣщеніи „штаба" мирно ужинали наши офицеры.

Вошли два ординарца, ѣздившіе за три версты въ К., гдѣ былъ штабъ кавалерійской дивизіи. К.—большое село почти въ тысячу душъ, съ казенной и полевой почтой.

Разсказъ ординарцевъ произвелъ сенсацію. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ К. появились, будто бы, нѣмцы: три батальона пѣхоты и артиллерія.

Одному нашему полку кавалеріи грозило, будто бы, быть окруженнымъ непріятелемъ, и онъ уже отступаетъ къ городу О.

Слухи утверждали, что за этимъ полкомъ уже потянулась изъ К. казенная почта, а штабъ дивизіи тоже готовится выступить.

Какъ громомъ пораженные, слушали мы все это. Впрочемъ, вѣрны ли слухи? Но нѣтъ! Ординарцы—Пилюгинъ и Севрукъ—люди толковые и расторопные, они взвѣшиваютъ свои слова.

Часть правды, несомнѣнно, здѣсь есть. А если такъ, то очень скоро, черезъ какихъ-нибудь два-три часа, придетъ и намъ оффиціальное предписаніе отойти обратно къ городу...

Досадно, ужасно досадно!..

Разумѣется, война немыслима безъ тысячи маленькихъ неожиданностей, случайныхъ сцѣпленій фактовъ, мелкихъ эпизодовъ,—ихъ никакой стратегъ не можетъ, да и не считаетъ нужнымъ предвидѣть.

Внезапно выскочилъ откуда-то непріятель; наша дружина съ нимъ не справилась бы и потому должна отступить—это вѣдь, такъ естественно, такъ неизбѣжно... Развѣ мы можемъ знать, для чего нѣмцамъ понадобилась эта внезапная вылазка внѣ фронта?

Возможно, что со стороны противника это простая

демонстрація, уловка, обманъ; возможно, что мы, отступая, намѣренно заманиваемъ врага поближе къ городу, гдѣ у насъ есть окопы, есть отрядъ, чтобы достойно его встрѣтить...

Все, все возможно въ сферѣ войны.

И тѣмъ не менѣе,—страшно досадно...

Когда ординарцы ушли, мы еще долго обсуждали создавшееся положеніе, но, конечно, такъ и не пришли къ опредѣленному выводу.

Какъ мы и ожидали, поздно ночью послѣдовалъ приказъ: немедленно вернуться въ О.

Итакъ, мы отступаемъ...

Нашъ первый „дебютъ“ — безъ всякой, впрочемъ, вины съ нашей стороны — оказывается грустнымъ, лишеннымъ всякой красочности, всякой удали и эффекта отходомъ...

Сколько мы ни утѣшали себя доводами объ общихъ задачахъ и частныхъ эпизодахъ борьбы, о случайныхъ замѣшательствахъ и прочемъ,—все-таки обидно.

Первый же день прямого участія въ войнѣ такъ мало похожъ на подвигъ, такъ трагически далекъ отъ героизма, о которомъ восторженно пишутъ газеты, а въ народѣ слагаются легенды.

Плохое предзнаменованіе...

Однако, ничего не подѣлаешь.

Съ той лихорадочной поспѣшностью, какая присуща всякимъ ночнымъ сборамъ въ дорогу, когда всѣ не выспались и, продирая глаза, прогоняютъ сонъ усиленной суетливостью, дружина снова строится въ походный порядокъ.

Вдоль улицы взадъ и впередъ шмыгаютъ фонари; поспѣшно грузится обозъ, тяжело скрипитъ грузная лазаретная линейка и сердито пофыркиваютъ продрогшія лошади.

2.

Каюсь еще въ одномъ „штатскомъ“ чувствѣ: когда я сбоку отъ колонны ѣхалъ на своемъ Сѣрякѣ, ежился отъ холода и вглядывался въ сѣрѣющую муть разсвѣта, предо мной долго еще стояло блѣдное, безстрастное лицо пани Анели.

Ее не обрадовали даже деньги, которыя мы съ прапорщикомъ, уходя, оставили ей за постой.

— Вотъ вы уходите, — говорила она монотонно, — значитъ, нѣмецъ близко. А разъ близко—значитъ, придетъ сюда, изобьетъ насъ, лошадь уведетъ — вѣдь она у насъ одна—дѣвчонку мою обидитъ,—я-то стара уже...

И весь ея обликъ выражаетъ тупое отчаяніе и покорность судьбѣ. Я утѣшалъ ее, хотя самъ плохо, очень плохо вѣрилъ въ свои утѣшенія...

Да и у насъ, среди офицеровъ, настроеніе унылое: нечѣмъ, нечѣмъ будетъ вспомнить первый походный день.

Что-то дальше будетъ?

И скоро ли дружинѣ представится случай загладить, смягчить, забыть происшедшее?

Вечеромъ, уже снова въ городѣ О., командиръ собралъ насъ и прочелъ приказъ: нашей бригадѣ съ утра занять окопы, верстахъ въ 3-хъ—4-хъ впереди города. Ну, вотъ и случай повоевать...

Всѣмъ частямъ бригады были указаны опредѣленные участки окоповъ; нашей дружинѣ попалось самое худшее и наиболѣе опасное мѣсто: справа отъ насъ никого нѣтъ и мы открыты нападенію.

Положеніе складывалось тревожно; не позднѣе завтрашняго дня, а можетъ быть, еще нынче ночью непріятель достигнетъ нашихъ окоповъ.

Только въ эту минуту впервые всѣмъ сердцемъ почувствовалось, повѣрилось въ то, что война есть, что

она вотъ тутъ, подъ бокомъ, что ея тяжелыя крылья уже вѣютъ надъ головой и разносятъ злыя предчувствія.

До поздней ночи мы не расходились.

Разбирали карту мѣстности, намѣчали дороги къ перевязочному пункту, бросали жребій между ротными командирами, кому какой окопъ занять: кому въ передней линіи, кому позади, въ резервѣ. И обсуждали, какъ быть, если появятся нѣмецкіе летчики: дни стоятъ такіе ясные, что „таубе" навѣрное прилетитъ.

У нашего командира — боевой опытъ русско-японской войны. И онъ предупреждаетъ насъ: не надѣвать завтра ничего на мѣху. Онъ свою мѣховую бекешу тоже оставитъ дома.

Дѣло въ томъ, что при мѣхѣ даже легкая рана, пустая царапина часто ведетъ къ загноенію, а то такъ и къ смерти.

Холостой, одинокій человѣкъ, онъ на всякій случай передаетъ свои сбереженія казначею...

— Завтра меня, вѣрно, убьютъ,—говоритъ онъ, какъ всегда отрывисто и какъ будто рѣзко, — такъ ужъ вы перешлите эти деньги моимъ племянникамъ въ Митаву—знаете адресъ?

У большинства нервная дрожь, пальцы отбиваютъ дробь по столу. Но все такъ же сосредоточенно разсматриваются карты и обсуждается вопросъ, какъ быть съ походными котлами.

Наконецъ, мы расходимся по кроватямъ, и на всѣхъ лицахъ написаны озабоченность и рѣшимость.

Всю ночь ждали сигнала къ тревогѣ.

Обстоятельства складывались серьезно: поблизости другихъ войскъ почти не было, размѣръ силъ противника не выясненъ, и занятіе двухъ нашихъ деревень, произведенное непріятелемъ за цѣлыя сутки до того, не останется, конечно, безъ продолженія.

Но сигнала къ тревогѣ такъ и не дождались. Вмѣсто него, въ пятомъ часу утра—новый вѣстникъ.

И вѣстникъ очень необычный: это нашъ старшій фельдшеръ, застѣнчивый и молчаливый толстякъ.

Съ совсѣмъ несвойственной ему живостью онъ подходитъ къ кровати командира и радостно выпаливаетъ:

— Военная музыка, господинъ полковникъ!

— Гдѣ? Что? Какая музыка?

— Только что недалеко отъ нашихъ казармъ, въ другомъ концѣ города, прошелъ хоръ музыки. Черезъ мостъ, по направленію къ городу...

— Военная музыка? Вы увѣрены?

— Увѣренъ, господинъ полковникъ! Музыка и пѣшій топотъ. Повидимому, цѣлый полкъ. И какъ будто грохотъ орудій. Можетъ быть, впрочемъ, пулеметовъ.

— Если такъ—ура!

Сразу полная перемѣна положенія. Оно проясняется, оно упрочивается и становится тверже!

Очевидно, это пришелъ намъ на помощь... стрѣлковый полкъ.

Тотъ самый, который только вчера ушелъ изъ города въ Цѣхановъ; на пути его по телеграфу, вѣрно, перехватили и вернули обратно, для поддержки нашей дружины...

Эти расчеты и ожиданія очень скоро подтвердились. Дѣйствительно, пришли стрѣлки, и сразу наши окопы запестрѣли большими черными папахами, наполнились гулкимъ, увѣреннымъ говоромъ.

Вотъ это ратные люди, истинные воины, закопченные въ пылу дыма и борьбы...

Не то, что наши „крестоносцы“, какъ добродушно шутятъ казаки надъ нами, ополченцами...

А прошелъ еще день,—и началось усиленное, безостановочное стягиваніе войскъ въ городокъ.

Уже нашъ писарь Манюкъ вприпрыжку бѣжалъ по главной улицѣ, размахивая „трофеемъ“ — купилъ за

сорокъ копѣекъ каску у одного изъ приведенныхъ въ городокъ плѣнныхъ нѣмцевъ.

Уже день и ночь по размытымъ уличенкамъ тянулись безконечныя колонны людей, обозы, орудія; уже завязили нѣмцы недалеко въ болотѣ цѣлую батарею и спѣшно вытаскивали ее канатами.

Въ эту, такую сложную и все же такъ быстро налаживающуюся жизнь быстро втягивалась и наша скромная дружина.

Она стала, наконецъ, на общіе всей арміи рельсы войны. Но долго еще отдавалась болью, какъ заноза въ пальцѣ, которая уже вынута—боль и обида неудачнаго боевого „дебюта"...

«Бракъ» и «ломъ» войны.

1. На питательномъ пунктѣ.

... Шумный, день и ночь волнующійся, вокзалъ Вильны.

Я съ моей спутницей, славной, самоотверженной русской дѣвушкой, пробираемся сквозь туннель въ тотъ край платформы, гдѣ длиннымъ рядомъ растянулись деревянные бараки, свѣтлые, просторные, безукоризненно-чистые.

Кто хочетъ остро почувствовать вѣяніе крыльевъ войны, испытать моментъ взволнованнаго умиленія, „вложить персты" въ раны родины,—тотъ найдетъ это здѣсь, у бѣлыхъ тесовыхъ столовъ, за которыми тѣсно сидятъ раненые солдаты вперемежку съ дѣвушками и „вольными" молодыми людьми.

Дѣвушки и молодые люди поочередно, не прерывая дежурства круглыя сутки, большими группами поджидаютъ поѣзда съ ранеными, и какъ только появляется

новая партія, ее сразу окружаютъ тепло, ласка, милая забота.

Котелъ съ кипяткомъ, стойка съ самоваромъ и чашками, молоко, колбаса и бѣлый хлѣбъ—вотъ и все немудреное оружіе этого уголка, поистинѣ драгоцѣннаго въ жизни раненаго.

Мы застаемъ за столомъ десятка два раненыхъ; раны въ большинствѣ легкія, шрапнельнаго типа: то оторванъ палецъ, то рука прострѣлена у локтя.

Всѣ въ тяжелыхъ походныхъ шинеляхъ съ мѣшками; нѣжныя руки дѣвушекъ осторожно снимаютъ эти мѣшки, разстегиваютъ вороты, и крѣпкія бородатыя лица отъ этого точно оттаиваютъ сразу.

Передъ каждымъ уже стоитъ горячій чай съ молокомъ, а рядомъ—участливые, ласково приблизившіеся женскіе глаза.

— И еще посылаю я съ войны поклонъ,—диктуетъ солдатъ сестрицѣ письмо на родину—батюшкѣ моему съ матушкой...

— Написала. И женѣ тоже поклонъ написать? Ты женатъ?

— Женатъ, сестрица, а только зачѣмъ женѣ то кланяться?

— Какъ зачѣмъ? Вѣдь любишь ты ее? Скучаешь?

— Ну люблю. Скучаю. Вотъ вы и напишите: скучаю, молъ. А кланяться женѣ—это зачѣмъ же?

Сестра мягко и дружески смѣется: очевидно, солдатъ придаетъ слову „кланяться“ его точный смыслъ и потому находитъ его неумѣстнымъ, по отношенію къ женѣ: *почета* женѣ не надо.

Я подхожу къ двумъ солдатамъ съ краю, сажусь рядомъ.

Моя форма военнаго врача вначалѣ ихъ немного стѣсняетъ, но они скоро осваиваются. Съ обоихъ гра-

домъ льетъ потъ; но выраженіе лицъ свѣтлое, успокоенное.

— Что, ребята, страшно было подъ шрапнелью?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, ничего не страшно. Съ непривычки, оно, конечно, нехорошо: цѣльный день надъ ухомъ жужжитъ, шипитъ, трескается. А потомъ и не замѣчаешь даже. У меня вотъ руку до локтя оторвало, такъ я даже и не замѣтилъ,—землякъ мнѣ опосля сказалъ.

Понемногу бесѣда со всѣми ранеными завязывается прочная и оживленная. Забыты кошмары сраженій, сырость и холодъ окоповъ—широко раскрылись сердца навстрѣчу женской ласкѣ.

Но вотъ появляются новыя интересныя лица, и къ нимъ переходитъ все вниманіе.

Въ распахнутую дверь, вслѣдъ за облакомъ пара отъ холоднаго ночного воздуха, входятъ двое солдатиковъ-дѣтей.

Мальчики лѣтъ четырнадцати, добровольцы. Одинъ раненъ въ лѣвую руку.

Иззябшіе, проголодавшіеся, они съ дѣтской жадностью набрасываются на ѣду, набиваютъ рты колбасой и прихлебываютъ, сопя, горячій чай.

Ихъ оставляютъ въ покоѣ,—пусть сначала наѣдятся вволю.

Первымъ „отваливается" отъ ѣды раненый. Не ожидая вопросовъ, онъ солидно, смѣшнымъ баскомъ начинаетъ свой разсказъ.

— Въ руку я раненъ. Пулей,—добавляетъ онъ съ оттѣнкомъ пренебреженія къ такимъ „пустякамъ".

— Сейчасъ, этта, въ Самарскую губернію ѣду, отца—мать навѣстить. Извѣстно, безпокоятся: старики. Но я скоро тамъ справлюсь и, айда, опять на войну. Опять патроны буду подносить. Я изъ-подъ самого Львова—все патронами занимаюсь.

— А шинель свою ты куда дѣлъ? Вѣдь холодно такъ.

— Я ее товарищу въ Варшавѣ отдалъ: кашлялъ онъ дюже. А у меня, вишь, мундиръ крѣпкій. И фуфайка еще есть подъ низомъ.

Милый, славный мальчуганъ! Больше всего умиляетъ въ немъ полное отсутствіе хвастовства, рисовки, „майнъ-ридовщины“. Ничего, кромѣ чувства важности дѣла и отвѣтственности.

Другой мальчикъ совсѣмъ иного склада. Этотъ не сумѣлъ оріентироваться въ грандіозныхъ событіяхъ, которыя его обступили, и отбился отъ своей части, потерявъ гдѣ-то свой обозъ и роту. Его мать—вдова живетъ въ Брестъ-Литовскѣ, у ней почти ѣсть нечего.

— Шли это мы, шли,—разсказываетъ малышъ,—сначала по Люблинской губерніи. Все нѣмца искали. А его все нѣтъ и нѣтъ.

— Днемъ идемъ, а ночью по деревнямъ ночуемъ. Дошли до села Бобы, дождь тогда цѣльный день шелъ, измокъ я дюже, завалился и заснулъ. Какъ всталъ, смотрю—моей четвертой роты нѣту. И обоза тоже. Такъ и ищу теперь,—то туды поѣду, то сюды. Вотъ ужъ двѣ недѣли такъ канителюсь“.

... Да, здѣсь поистинѣ первый этапъ „брака и лома“ великой боевой грозы...

Черезъ двери питательнаго пункта проходитъ столько сгущеннаго человѣческаго горя, столько безпомощности и душевнаго голода, физической боли и лишеній, что ихъ вовѣкъ, кажется, не исчерпать...

2. Въ санитарномъ поѣздѣ.

Сегодня работа на вокзалѣ такъ и кипитъ; я застаю уже третій, съ утра, санитарный поѣздъ. На перевязочномъ пунктѣ едва успѣваютъ пропускать раненыхъ.

Въ густыхъ сумеркахъ осени сѣрые силуэты сол-

датъ и офицеровъ. У кого силъ побольше, стоятъ у оконъ вагоновъ, окрашенныхъ въ молочно-бѣлый и сѣрый цвѣтъ.

На тихой, пустынной платформѣ тоже группы выздоравливающихъ, они рады немного размять свои кости прогулкой.

Я подымаюсь въ бѣлый офицерскій вагонъ съ тяжело ранеными.

Поѣздъ спеціально оборудованный, не „теплушечный", все здѣсь устроено не только гигіенично, но и съ нѣкоторымъ комфортомъ.

Въ ширину вагона идутъ два ряда мягкихъ коекъ, въ два яруса. Койки на рессорахъ, и тряска при движеніи поѣзда, всегда столь мучительная для раненыхъ, почти избѣгнута.

Офицеры все молодые; у нихъ то облагороженное выраженіе лица, какое всегда дается страданіемъ. Они безконечно рады всякому посѣтителю, всякому новому впечатлѣнію и бесѣдѣ.

Тихій гулъ стоитъ въ вагонѣ.

Я вглядываюсь ближе: хочется еще здѣсь, въ Вильнѣ, еще до позицій, набраться живыхъ, непосредственныхъ впечатлѣній войны...

Раны въ большинствѣ основательныя. Тутъ переломъ пяти реберъ на спинѣ и контузія воздухомъ, тамъ прострѣленныя обѣ ноги... Дальше два прапорщика съ сѣрыми, безкровными губами; родные братья, бокъ о бокъ были ранены...

Въ углу капитанъ съ обѣими руками въ бинтахъ. У него на носу большое черепаховое пенснэ: похожъ на учителя гимназіи или доктора.

Я шутя говорю ему о его „штатскомъ" видѣ,—оказывается, внѣшность жестоко обманула меня.

— Что вы, что вы!—съ веселой улыбкой подхватываетъ онъ,—вотъ ужъ не угадали! Я на дѣйствительной

службѣ! Японскую кампанію продѣлалъ, и даже съ боевымъ отличіемъ!

И онъ опять весело улыбается, ласково поглаживая обѣ руки худенькой, съ строгимъ лицомъ сестрицы.

Вообще у всѣхъ раненыхъ удивительно бодрое настроеніе. Такъ увѣренно и ровно чувствуютъ себя, по ихъ словамъ, и „тамъ", въ дѣйствующей арміи.

— Вотъ не повезло мнѣ,—тихимъ задушевнымъ голосомъ говоритъ молодой поручикъ съ блестящими глазами, уже выздоравливающій отъ тяжелой контузіи бедра,—не повезло мнѣ съ нѣмцами: за все время, съ самаго Августова и Оссовца я ни разу не видѣлъ ихъ близко!

— Дерутся они, правда, упорно, не уступаютъ ни шагу, но близкаго боя не принимаютъ: боятся! А ужъ о штыковомъ ударѣ мы и мечтать перестали. По моему, нѣмцы не сражаются, а скорѣе „работаютъ": личной храбрости, удали, почина мы положительно у нихъ не видѣли.

Я слушаю всѣ эти разсказы съ какимъ-то смутнымъ мнѣ самому, неловкимъ чувствомъ.

— Вы не думайте, господа,—говорю я, наконецъ,— что намъ, тыловымъ, пріятно здѣсь бездѣльничать. Когда, вотъ, посмотришь на васъ, „передовыхъ", такъ, право, стыдно становится. Вѣдь, мы здѣсь не только не рискуемъ жизнью, но и вообще ничѣмъ не жертвуемъ войнѣ...

— Ну, вотъ еще,—энергично протестуетъ кто-то изъ дальняго угла — чего же вамъ стыдиться? На своемъ мѣстѣ каждый нуженъ родинѣ, каждый несетъ свою долю труда.

— А особенно вы, врачи! Какая у врачей тамъ, на передовыхъ позиціяхъ, громадная работа! Я подъ Сувалками самъ видѣлъ, какъ одинъ полковой врачъ оперировалъ и перевязалъ четыреста человѣкъ! Вы только представьте себѣ, что это значитъ!

...Стѣны молочно-бѣлаго вагона быстро тонутъ въ полумракѣ сумерекъ. Глуше и блѣднѣе становятся утомленные голоса раненыхъ.

Я спѣшу уйти и, уходя, уношу съ собой отрадное впечатлѣніе простоты, спокойной твердости и бодрой вѣры.

...Да, страна, гдѣ такъ переносятъ страданія, не можетъ не побѣдить...

3. Хромой адъютантъ.

Штабсъ-капитанъ З., участникъ знаменитыхъ боевъ на Бзурѣ и подъ Прасньшемъ—одна изъ интереснѣйшихъ фигуръ, какія мнѣ пришлось видѣть за всю войну.

Я столкнулся съ нимъ черезъ нѣсколько дней послѣ Праснына, поздно вечеромъ, въ вагонѣ поѣзда между Варшавой и Бѣлостокомъ.

Фонъ его разсказовъ, суровый фонъ крови, гнѣва и ужаса, неожиданно прорѣзывался то свѣтлымъ эпизодомъ, то круто „наперченной“ походной остротой.

Въ его жесткомъ лицѣ, насупленныхъ бровяхъ и угловатомъ, потерявшемъ подвижность тѣлѣ меньше всего ожидаешь встрѣтить источникъ шутки и юмора. И тѣмъ больше цѣнишь каждый милый пустякъ войны, каждый свѣтлый штрихъ похода, которые онъ мелькомъ разсыпаетъ въ бесѣдѣ.

Удивительна, прежде всего, его судьба.

На службѣ, еще задолго до войны, онъ отморозилъ себѣ палецъ на ногѣ. Операцію—это было гдѣ-то въ Туркестанѣ — сдѣлали неудачно, ногу пришлось еще три раза рѣзать, и въ результатѣ З. ампутировали ногу выше колѣна, и мѣсто отнятой заняла искусственная.

Казалось бы, военная карьера, такимъ образомъ, навѣки кончена. Но вотъ начинается война,—и этотъ сол-

дать по призванію добивается, доходя для этого до самыхъ высшихъ властей, разрѣшенія вернуться въ свою часть.

Изъ Туркестана онъ вмѣстѣ съ частью попадаетъ на сѣверо-западный фронтъ и проводитъ рядъ многодневныхъ ожесточеннѣйшихъ боевъ.

Онъ несетъ всѣ суровыя лишенія похода; походнымъ порядкомъ мѣряетъ десятки верстъ зимой и по размягшимъ въ февралѣ болотамъ...

И что удивительнѣе всего,—состоитъ при этомъ въ должности адъютанта!..

Если въ мирное время эта должность часто близка къ бездѣлью и, во всякомъ случаѣ, гораздо легче строевой службы, то на войнѣ, во время боевъ, калѣкѣ нести адъютантскія обязанности—это что-то изумительное!..

Адъютантъ, вѣдь, вѣчно верхомъ, онъ то и дѣло вмѣстѣ съ командиромъ, или по его порученію носится по всему расположенію части; въ его рукахъ всѣ нити, всѣ разнородныя дѣйствія, которыя необходимо сводить къ общей цѣли.

Вдобавокъ, шт.-капитанъ З. состоитъ при командирѣ тоже незаурядномъ. Это молодой офицеръ, академикъ генеральнаго штаба, человѣкъ исключительной энергіи, твердости и рѣшительности, георгіевскій кавалеръ.

Онъ не останавливается передъ самыми крутыми, иногда крайне жестокими мѣрами, если это нужно для поддержки духа части. Малѣйшее подозрѣніе въ трусости — и командиръ безжалостенъ, идетъ ли рѣчь о нижнемъ чинѣ или объ офицерѣ.

Самъ командиръ, на котораго прямо готовъ молиться его адъютантъ, совершенно не знаетъ чувства страха. Онъ невозмутимо ходитъ передъ цѣпью окоповъ, онъ не знаетъ ни минуты отдыха; какъ-то онъ даже самъ закладывалъ мины прямо подъ огнемъ.

Долго командиръ оставался неуязвимъ, но подъ Праснышемъ четыре — не тяжелыя, впрочемъ, — пулевыя раны заставили его согласиться выйти на время изъ строя, чуточку полѣчиться въ госпиталѣ. Благо, бои подъ Праснышемъ имѣли такой блестящій для насъ результатъ.

Разъ уже самъ командиръ отдыхаетъ, согласился на отдыхъ и шт.-капитанъ З., которому какъ разъ въ это же время угодила пуля въ лѣвую, неискусственную ногу.

Онъ ѣхалъ лѣчиться, когда я, въ дорогѣ, встрѣтился съ нимъ и разговорился.

Меня очаровала спокойная шутливость его тона, непоколебимая убѣжденность въ себѣ.

— А ловко я, чортъ возьми, нѣмцевъ провелъ—разсказываетъ онъ, и въ его глазахъ бѣгаютъ лукавыя искорки,—въ живую, понимаете, ногу получилъ пустяшную царапину, о которой на завтра же забылъ, а настоящую, шрапнельную рану — въ искусственную! Понимаете, въ деревянную—какое же мнѣ до этого дѣло? И главное, въ ту ногу угодили, которая и дешевле гораздо, и тяжелѣе втрое!

— То есть, какъ дешевле и тяжелѣе? Сколько же у васъ ногъ, наконецъ?—спросилъ я, совсѣмъ сбитый съ толку.

— А я, видите ли, когда на войну шелъ, имѣлъ одну собственную ногу — хорошенькую, легкую какъ перышко, триста рублей заплатилъ — и другую казенную, за восемьдесятъ, — та много проще, не гнется въ колѣнѣ и тяжелая.

Вотъ и сталъ я, когда на войну собирался, раздумывать: какую мнѣ ногу надѣть? Жена говоритъ: самую лучшую надѣнь, ту, что полегче. А я не послушался,— думаю, если убьютъ, такъ женѣ трехсотрублевая нога ой-ой, какъ пригодится!

Ну вотъ, я и оказался правъ; теперь мнѣ шрапнелью дешевую ногу поковыряло, такъ я ее за три цѣлковыхъ починю и конецъ. А будь на мнѣ новая нога—она такая хрупкая, что плакали бы наши триста рублей!..“

И вотъ, этотъ калѣка — иначе не опредѣлилъ бы его никакой „штатскій“ глазъ!—рысью ѣздитъ десятки верстъ, въ зимнюю стужу цѣлыми днями не вылѣзаетъ изъ сѣдла, по трое сутокъ не смыкаетъ глазъ...

Какіе то двужильные люди... И тѣла, и души...

Откуда они взялись теперь и гдѣ же они были раньше—въ мирную пору, когда на героизмъ не было спроса, когда для него и мѣста не находилось въ тѣсной, безкрасочной, разграфленной жизни горожанъ?..

4. Манжета.

На разсвѣтѣ хмураго осенняго дня мы сидѣли, я и шесть офицеровъ О. дружины, на станціи Ковна, въ ожиданіи нашего квартирьера.

Заказали себѣ горячаго кофе, чтобы согрѣться, и продрогшіе и усталые, изрѣдка перебрасывались словами.

— „Позвольте, товарищи, подсѣсть къ вамъ,—послышался молодой, звенящій голосъ изъ прорѣзанной газовымъ фонаремъ полутьмы.

Говорилъ высокій, стройный штабъ-ротмистръ въ полушубкѣ и папахѣ.

Мы, конечно, поторопились уступить ему мѣсто среди насъ. Меня сразу же поразило его лицо: воспаленные, тревожные глаза, блѣдныя, стиснутыя губы, щеки, какъ будто съѣденныя горемъ.

— „Вотъ, докторъ“,—обратился онъ ко мнѣ, скользнувъ глазами по моимъ узкимъ погонамъ и протягивая мнѣ лѣвую руку—„угадайте по моему пульсу, сколько

сутокъ я уже не сплю? Вообразите: седьмой уже день глазъ не сомкнулъ! А усталъ нечеловѣчески. Такая потребность поспать... или поплакать... И вотъ не могу, не могу ни заснуть, ни выплакаться...

— Вы, можетъ быть, думаете, что я баба, трусъ, ничтожество? Ошибаетесь: я боевой офицеръ, увѣряю васъ честью. Но вы только представьте себѣ: меня въ Вильнѣ ждетъ моя мать, ждетъ извѣстій о моемъ младшемъ братѣ,—а братъ убитъ на моихъ глазахъ!... Разорванъ на куски... Только потомъ, уже на другой день, я отыскалъ... его руку... Одну только руку...

Въ голосѣ офицера была такая безысходная боль, что мы почтительно молчали, потрясенные.

— И вотъ я седьмой уже день не могу,—понимаете, *не могу* поѣхать въ Вильну, гдѣ мама ждетъ такъ лихорадочно. Ну, съ чѣмъ, подумайте, я туда поѣду? Чуть представлю себѣ, какъ мама на меня посмотритъ при встрѣчѣ—жутко дѣлается!.. Одну только руку нашелъ, тутъ же и похоронилъ на полѣ. А мамѣ везу— „на память",—Володину манжету... вотъ она.

Онъ вынулъ изъ портфеля бѣлую манжету съ золотой запонкой на цѣпочкѣ и показалъ намъ издали. Потомъ, сдержавъ стонъ, хрипло продолжалъ.

— „Мама Володю всегда любила больше, чѣмъ меня,—и такъ оно и слѣдовало: онъ такой яркій, такой красивый, талантливый! И вотъ именно онъ погибъ. Я же, на бѣду, самъ и взялъ его къ себѣ въ пулеметную команду. Пулеметное дѣло я давно изучалъ, любилъ очень и вотъ самъ послалъ Володю на смерть...

— Но вы все-таки не думайте, я вовсе не баба, я свой георгіевскій крестъ получилъ не зря...

И онъ просто и скромно разсказалъ о томъ эпизодѣ, за который онъ былъ отличенъ.

Стоя во главѣ команды развѣдчиковъ, онъ подъ огнемъ непріятеля далъ нашему отряду возможность

использовать небольшую, но очень цѣнную переправу, которая иначе осталась бы нами незамѣченной. Отдѣлившись со своими людьми, онъ непрерывными залпами въ воздухъ далъ нашимъ знать, въ какомъ направленіи находится переправа.

Вообще, боевая жизнь давно, еще до войны, влекла къ себѣ обоихъ братьевъ, его и Володю. А вотъ теперь онъ везетъ мамѣ манжету,—все, что осталось отъ прекраснаго, всѣми любимаго юноши...

Притихшіе и какъ будто пристыженные сидѣли мы всѣ, не смѣя прервать молчанія.

Нашъ собесѣдникъ опустилъ голову на руки и долго сидѣлъ неподвижно. Потомъ вдругъ рѣзко взмахнулъ головой и заговорилъ совсѣмъ по новому, бодро и умиленно:

— „Но зато какіе же, господа, у насъ люди чудесные! Какія золотыя сердца, Боже мой! Въ нашемъ солдатѣ столько простоты и смѣлости, столько терпѣнія и удали! Среди будней похода смотришь—самый обыкновенный, совсѣмъ средній человѣкъ, а началось дѣло, налетѣла опасность—и прямо не узнаешь его! Диву даешься!“

И сразу повеселѣвшимъ, потеплѣвшимъ голосомъ онъ разсказываетъ, сбиваясь на сочный языкъ своего сѣряка—героя, эпизодъ изъ боевъ въ Восточной Пруссіи, когда одинъ солдатъ его эскадрона получилъ Георгія.

Солдатъ подъ Тильзитомъ былъ раненъ и попалъ въ плѣнъ. О немъ всѣ въ эскадронѣ очень пожалѣли и, конечно, уже не надѣялись его видѣть. Но вдругъ, уже дней черезъ восемь, подъ Владиславовымъ появляется, чортъ этакій, снова! Какими судьбами? А вотъ какими.

Часовъ тридцать онъ пролежалъ подъ Тильзитомъ безъ перевязки.

Въ срединѣ второй ночи онъ ухитрился задушить нѣмца, приставленнаго его сторожить, переодѣлся въ форму врага, захватилъ его винтовку и „побёгъ“. Добѣжалъ до рѣки, раздѣлся голый,—хоть и жалко было винтовку бросать, да и мундиръ нѣмца былъ хорошій!—и переплылъ рѣку.

Тамъ „побёгъ“ дальше, захватилъ гдѣ-то въ деревнѣ вилы, и, дѣйствуя ими, отобралъ у встрѣчнаго нѣмецкаго мужика его платье, опять переодѣлся и въ новомъ видѣ побѣжалъ дальше. Цѣлый день прятался, а по ночамъ до разсвѣта подвигался впередъ.

Сто восемьдесятъ верстъ, большей частью по вражеской землѣ, пробѣжать то голымъ, то въ непріятельской одеждѣ, не имѣя понятія ни о языкѣ врага, ни о дорогѣ—это, дѣйствительно, нѣчто изумительное!

Чувствовалось, что ротмистръ, нашъ собесѣдникъ, если найдетъ утѣшеніе въ своемъ горѣ, если найдетъ силы дальше жить и бороться, то именно ради нихъ, бокъ о бокъ съ ними, этими сѣрыми героями...

Я невольно залюбовался новымъ выраженіемъ лица офицера.

Но вотъ, гремя шашкой по каменному полу, подошелъ нашъ квартирьеръ: эшелонъ, какъ оказалось, уже разгрузился, и онъ пришелъ за нами. Надо было уходить на мѣсто стоянки.

Мы простились съ новымъ знакомымъ и, взволнованные, поднялись.

Ушли, навстрѣчу какимъ-то новымъ впечатлѣніямъ бытія, еще ближе къ гущѣ войны съ ея удивительными подвигами, которые становятся бытомъ.

Въ близкомъ тылу.

1.

Силой событій тихіе захолустные города, въ началѣ войны бывшіе „глубокимъ тыломъ“, становятся въ послѣднее время близкимъ тыломъ. Хотя здѣсь и не грохочутъ пушки, но все же живо и непосредственно чувствуется война.

Ключомъ бьетъ жизнь на вокзалахъ, еще недавно такихъ задумчивыхъ, почти безмолвныхъ.

По нѣскольку разъ въ день подходятъ санитарные поѣзда, то торжественно бѣлые, спеціально оборудованные, то „теплушечные“, сформированные наскоро и наспѣхъ...

Чѣмъ дальше, тѣмъ гуще въ промежуткахъ между этими санитарными поѣздами,—„прослойки“ изъ другихъ, тоже „теплушечныхъ“ поѣздовъ, наполненныхъ бѣженцами... Потокъ бѣженцевъ разростается, ширится...

Каждый поѣздъ съ бѣженцами—это нѣчто совершенно исключительное по составу, по общему облику: такой толпы мы никогда не видѣли и послѣ войны никогда не увидимъ.

Иногда это эвакуируемые чиновники различныхъ учрежденій вмѣстѣ съ ихъ семьями—они ѣздятъ обычно въ довольно сносныхъ условіяхъ: въ пассажирскихъ вагонахъ, безъ особой тѣсноты.

Эвакуируемая чиновничья молодежь даже не вся сплошь груститъ: кое у кого пріятно возбужденныя—отъ новизны впечатлѣній—лица, бодрый взглядъ...

Что особенно трогательно—иные украшаютъ убогія красныя стѣны товарныхъ вагоновъ вѣтками родныхъ, покидаемыхъ теперь деревьевъ—рижскихъ, бѣлостокскихъ, митавскихъ, виленскихъ...

На вокзалѣ тихаго города П., втянутаго войной въ жизнь близкаго тыла, вѣчная суета.

То дежурный врачъ и санитары снимаютъ съ поѣзда раненыхъ или нагружаютъ ими новый поѣздъ; то шумной и возбужденной толпой несется къ буфету эвакуируемая молодежь, проталкиваясь локтями къ корявымъ бутербродамъ и къ шкафу съ газетами.

Я вспоминаю врачебно-питательные пункты въ Варшавѣ, осенью 1914 года; сколько было тогда упорной энергичной заботы, какая бодрость и жажда облегчить раны войны!

Сонно и медлительно, въ противоположность своимъ вокзаламъ, живутъ маленькіе городки близкаго тыла.

Нахлынувшій потокъ бѣженцевъ устраивается какъ хочетъ и какъ можетъ; только прадѣдовскія, кустарныя формы благотворительности „изъ рукъ въ руки" пытаются облегчить ихъ положеніе.

Впрочемъ, былой безмятежности на улицахъ нѣтъ: то тутъ, то тамъ собираются небольшія кучки, говорятъ, волнуются...

Иногда ихъ привлекаетъ расклеенное на заборахъ новое объявленіе отъ военныхъ властей, напримѣръ, о мѣрахъ противъ сокрытія размѣнной монеты и объ угрозахъ за похищеніе имущества, оставляемаго у себя на родинѣ бѣженцами.

Объявленіе объ охранѣ имущества, оставленнаго бѣженцами, — лишняя иллюстрація къ бѣдственному положенію этихъ изгнанниковъ: такъ необезпечены покинутые ими дома и все въ нихъ находящееся, что приходится бороться съ расхищеніемъ посредствомъ угрозы похитителямъ военнымъ судомъ и самыми суровыми карами, до смертной казни включительно.

2.

Безъ заминокъ и замѣшательствъ идетъ, рядомъ съ общей эвакуаціей разныхъ учрежденій и цѣлыхъ городовъ, также свертываніе и эвакуація мѣстныхъ лѣ-

чебныхъ учрежденій военнаго вѣдомства и Краснаго Креста.

Это, естественно, привело къ тому, что больные и раненые, прежде остававшіеся въ тыловыхъ госпиталяхъ долгими недѣлями, теперь эвакуируются уже черезъ двѣ-три недѣли вглубь страны для того, чтобы освобождать госпитали какъ можно скорѣе для новыхъ раненыхъ.

Такое измѣненіе основной задачи прежнихъ тыловыхъ госпиталей потребовало извѣстной гибкости, такъ сказать, перегруппировки, и это, видимо, вполнѣ удалось лѣчебнымъ учрежденіямъ.

Къ несчастію, новые госпитали возникаютъ въ значительной мѣрѣ за счетъ мѣстныхъ школъ: подъ нихъ забираютъ лучшія и просторнѣйшія зданія, какими являются зданія мужскихъ и женскихъ гимназій, кадетскихъ корпусовъ, семинарій и пр.

Для госпиталей нужны вѣдь, не только просторъ,— нужно освѣщеніе, водопроводъ, ванны и пр., а гдѣ въ провинціи хотя бы начатки жилищной культуры и благоустройства?

Но при всемъ этомъ, покуда стоятъ совершенно свободными и пустыми обширныя зданія мѣстныхъ монастырей, слѣдуетъ ли нарушать правильный ходъ занятій въ школахъ?

Между тѣмъ, именно школы всюду эвакуируются чуть ли не въ первую очередь...

3.

Если молодежь въ тылу сейчасъ нѣсколько поостыла въ своей пылкой жаждѣ непосредственно участвовать въ событіяхъ, если гораздо рѣже, чѣмъ въ началѣ войны, стали сейчасъ мальчики убѣгать на войну, то желаніе и готовность просто, безъ яркихъ

подвиговъ помогать общему дѣлу стали, пожалуй, еще настоятельнѣе, потому что—сознательнѣе.

И если не такъ много теперь подростковъ въ войскахъ, то дѣвушки особенно сильно стремятся въ сестры милосердія—хотя бы здѣсь, въ госпиталяхъ тыла. Онѣ терпѣливо работаютъ въ тылу, не переставая, въ большинствѣ случаевъ, мечтать о дивизіонномъ или вообще передовомъ госпиталѣ, чтобы быть ближе, быть тамъ, гдѣ льется кровь.

Не будемъ увлекаться, не будемъ идеализировать сестеръ милосердія: едва ли нужна самимъ сестрамъ та сплошь розовая краска, какой ихъ размалевалъ хотя бы Вас. Немировичъ-Данченко. Его безчисленныя книги изъ временъ турецкой войны 1877—1878 г.г.—это трескучій восторгъ, сплошное преклоненіе передъ русской сестрой милосердія.

Мы теперь трезвѣе и сдержаннѣе. Мы знаемъ, что сестрицы—не ангелы, далеко не ангелы. Не всѣ онѣ движимы безкорыстной жаждой подвига, не всѣ одинаково вѣрны долгу, одинаково отзывчивы, даже просто честны: онѣ люди и не лишены всѣхъ людскихъ слабостей.

Но не поддадимся же—какъ это, къ сожалѣнію, дѣлаютъ многіе врачи—другой, противуположной крайности: не будемъ утверждать, что сестры „неизбѣжное зло", тормазъ всего военно-лѣчебнаго дѣла. Много, очень много ненормальнаго найдется и въ отношеніяхъ врачей къ сестрамъ милосердія!..

Доброе имя сестры было сильно подорвано во время злосчастной русско-японской войны; лишенная исторической необходимости, и главное, внутренняго оправданія, эта война, естественно, выдвинула много жажды приключеній и легкомыслія во всѣхъ областяхъ, въ томъ числѣ и среди медицинскаго персонала.

Но совсѣмъ иное въ нынѣшнюю грозную годину.

народы противугерманскаго согласія, и мы, русскіе, въ томъ числѣ имѣемъ великое счастье бороться за правое, чистое дѣло, и это подводитъ подъ всю нашу работу прочный нравственный фундаментъ. Внутренняя оправданность, безупречность нашей борьбы облагораживаетъ и очищаетъ всю атмосферу войны, пронизываетъ ее безкорыстіемъ и идейностью.

Могучему общему порыву не осталась, конечно, чужда и чуткая славянская женщина,—вотъ отчего, *какъ правило,* русская сестра милосердія въ эту войну пріобрѣла благодарность и признаніе.

Во всякомъ случаѣ, критикамъ не слѣдуетъ забывать, что жизнь сестры если не исключительный подвигъ, то тяжелый, невидный, чрезвычайно скромный и невыгодный ктому-же трудъ.

Тѣмъ не менѣе, дѣвушки самого различнаго круга настойчиво стремятся къ этой профессіи,—къ этому призванію, вѣрнѣе.

Навстрѣчу ихъ стремленію, въ тылу то тамъ, то здѣсь устраиваются сокращенные курсы сестеръ милосердія. И сколько живого смысла и дѣйственной бодрости вносятъ курсы въ дѣвичьи провинціальныя сердца!

Открылись такіе курсы и въ тихомъ, дремлющемъ П.,—во второй уже разъ за время войны.

Снова быстро, въ нѣсколько дней заполнились списки курсистокъ, будущихъ сестеръ. Среди нихъ—всѣ городскія дѣвушки и женщины, желающія пріобщиться къ страдѣ войны.

По слѣдамъ войны.

1.

Дождь не перестаетъ лить уже цѣлую недѣлю, съ самаго начала іюля.

Въ той деревенькѣ, недалеко отъ Гродны, куда насъ забросилъ случай войны, сосѣдній помѣщикъ вымостилъ главную улицу, но грязи все же достаточно даже на ней, а въ сторонѣ ужъ и говорить нечего.

Мы, врачи, вмѣстѣ съ офицерами размѣстились во флигелькѣ усадьбы. Около полудня я возвращаюсь туда изъ своего околотка и думаю больше всего о томъ, какъ бы не споткнуться и не утонуть въ лужѣ. И вдругъ—слышу стройное хоровое пѣніе.

Откуда здѣсь хоръ? И на какомъ это языкѣ? Своеобразные, могучіе напѣвы... На малорусскіе похожи...

Звуки идутъ со стороны „стодолы"—сарая въ господской усадьбѣ. Солдатъ тамъ нѣтъ, они размѣщены бивуакомъ въ палаткахъ. Кто же это можетъ пѣть?

Подхожу ближе—и что же? Оказывается, плѣнные австрійскіе солдаты. Поютъ по-сербски. Унылые, щемящіе напѣвы... Окончили одну пѣсню, безъ антракта затягиваютъ другую, третью...

Большой кругъ сѣро-синихъ фигуръ, типичныя славянскія лица. Подошли и наши, живо заинтересованные, сочувствующіе.

Отношенія къ плѣннымъ самыя дружелюбныя: давно извѣстно, что у нашего солдата нѣтъ никакой злобы къ вчерашнему врагу, и никакія гнусности нѣмцевъ по отношенію къ нашимъ плѣннымъ не вытравятъ въ немъ широты сердца.

Плѣнныхъ привезли сюда, числомъ около тысячи человѣкъ, изъ-за Днѣстра. Долго они ѣхали по желѣзной дорогѣ, потомъ верстъ пятьдесятъ пѣшкомъ шли, въ общемъ больше двухъ недѣль, и это вначалѣ навело на австрійцевъ уныніе.

Съ мѣстнымъ населеніемъ и солдатами отношенія тоже не налаживались: „лоскутная" страна прислала сюда самый пестрый составъ своихъ сыновъ,—мадьяръ вмѣстѣ съ сербами, поляковъ съ хорватами, чехами и

словенцами. И эта разноязычная масса не могла сговориться съ нашими.

Но вскорѣ человѣкъ шестьсотъ изъ нихъ развезли по разнымъ частямъ фронта, а здѣсь остались почти исключительно сербы, въ большинствѣ православные къ тому же, и тогда сразу воцарилась дружба.

Живется бывшимъ врагамъ у насъ очень недурно: я интересовался этимъ какъ врачъ. Кормятъ ихъ сытно, почти наравнѣ съ солдатскимъ пайкомъ, работой не слишкомъ обременяютъ.

Надзоръ за ними тоже легкій,—да и куда бѣжать? за тридевять земель въ Венгрію, въ хорватскія или словацкія области?

Будь это даже возможно—навѣрное, сами не захотѣли бы.

Пѣніе продолжается долго, заунывное и сдержанно-страстное.

И вдругъ, по собственному почину,—раздается нашъ русскій гимнъ... Поютъ стройно, правильно, вмѣстѣ съ текстомъ, хотя и чуждо звучащимъ въ ихъ не русскихъ устахъ.

Русскій гимнъ въ исполненіи импровизированнаго хора военноплѣнныхъ австріяковъ—такія шутки исторія научилась шутить только за время нынѣшней войны!..

Можно ли себѣ представить обратную картину: группу русскихъ плѣнныхъ солдатъ гдѣ-нибудь въ Кюстринѣ или Засcницѣ, которые бы пѣли хоромъ „Wacht am Rein"?

Достаточно поставить этотъ вопросъ: отвѣтъ ясенъ и выразителенъ...

Неожиданностями мы вообще окружены въ этой войнѣ. Развѣ не удивительно, напримѣръ, то обстоятельство, что большинство этихъ враговъ—сербы, единокровные нашимъ союзникамъ на Балканахъ? И не только славяне, но даже православные...

Вѣдь они свободно объясняются съ нашими солдатами, хотя тѣ и другіе говорятъ на своихъ родныхъ языкахъ...

Одинъ даже попросилъ у меня газету: „что то тамъ пишутъ про нашихъ на войнѣ"... Я далъ, и „врагъ" тутъ же сталъ довольно бойко читать вслухъ сообщеніе нашего Штаба, лишь чуть-чуть коверкая слова не родного, все-таки, языка.

2.

По дорогѣ изъ Гродны сюда, въ Сувалкскую губернію, съ каждой верстой на шоссе все больше и больше братскихъ могилъ.

Невысокія квадратныя насыпи, иногда бѣлѣющія отъ известки. Издалека видны скромный синій крестъ, маленькая табличка съ безымянной памяткой.

„Покойтесь съ миромъ, дорогіе герои", — гласитъ одна изъ нихъ: здѣсь погребены 50 нижнихъ чиновъ, павшихъ въ страшныхъ бояхъ, бывшихъ тутъ въ февралѣ 1915 года. Немного дальше покоится „Безымянный прапорщикъ" и еще, и еще, безъ конца...

Немного въ сторонѣ отъ шоссе—деревни, или вѣрнѣе, то, что было ими когда то... Жуткое зрѣлище... Жуткое тѣмъ болѣе, что издали эти пепелища можно принять за живыя, еще обитаемыя...

Вырваны и разсѣяны по вѣтру тихія, безотвѣтныя семьи. Ураганъ потушилъ убогіе очаги, орудійные громы скосили десятки домовъ до основанія...

Такъ и остались лежать на пепелищѣ слѣды хозяйствъ. Тутъ сиротливо валяется подбитая жнейка, тамъ пара сноповъ, тутъ горшокъ и дырявая корзинка, тамъ деревянное ведро, фонарь...

Прошло *уже* пять мѣсяцевъ съ того дня, когда затихли здѣсь кровавыя бури. Хозяева уцѣлѣвшихъ халупъ

вернулись въ родныя мѣста, а эта покинутая утварь осталась на мѣстѣ, тамъ, гдѣ раньше дымились очаги и цвѣла мирная жизнь...

Все нетронутымъ лежитъ, неприкосновеннымъ: точно страхъ и почтенiе не позволяютъ односельчанамъ подойти поближе къ развалинамъ...

Прошло *только* пять мѣсяцевъ, а на мѣстѣ, гдѣ раньше были очаги и жили люди,—уже успѣли буйно разростись сорныя травы. Весеннее солнце торопилось закрѣпить то запустѣнiе, которое нанесли людямъ люди...

Зазеленѣли и корявые бока огромныхъ воронокъ,—ямъ, вырытыхъ снарядами...

Но тутъ же, бокъ о бокъ съ обломками ржаваго свинца, невозмутимо и побѣдительно колосится рожь: такъ неумирающая жизнь отвѣчаетъ на разрушенiе...

3.

Уже въ мѣстечкѣ Р. бросалось въ глаза унылое молчанiе многихъ домовъ. Самые дома цѣлы, но обитатели еще весной, во время боевъ, разбѣжались въ тревогѣ.

Здѣсь же, въ деревнѣ, слѣды нѣмецкаго нашествiя видны на каждомъ шагу.

Худая, преждевременно постарѣвшая женщина, хозяйка халупы, гдѣ размѣстился нашъ околотокъ, монотонно, но въ крѣпкихъ выраженiяхъ описываетъ подвиги „германа“.

Ее, вдову съ тремя крошками, буквально обобрали, какъ и громадное большинство домохозяевъ. Забрали у нея лошадь, тщательно обыскали домъ и дворъ, унесли хлѣбъ до послѣдней крохи.

Попыталась было пани Юзефа спасти, для дѣтей, хоть одинъ каравай: усѣлась на него и юбкой при-

крыла... Но „германъ“ замѣтилъ, что она сидитъ слишкомъ высоко и изъ-подъ нея вытащилъ послѣднее...

Грабежъ, по описанію женщинъ, производился методически, отнюдь не рывкомъ или наскокомъ. У всѣхъ были наготовѣ отмычки, все было предусмотрѣно, какъ у профессіональныхъ громилъ.

Не тратили времени на подбираніе ключей, не ломали дверей, а „культурно“ вертѣли спеціальной отмычкой,—такой, что не портитъ замковъ...

— Ну хорошо, пусть бы брали, на то война,—волнуясь жалуется мнѣ старый мужикъ съ тяжелымъ выраженіемъ видѣвшихъ много горя глазъ.

— Пусть бы даже все брали—вѣдь, все равно пропадать. Но зачѣмъ же издѣваться, издѣваться зачѣмъ? Развѣ солдатское это дѣло?

— А какъ они издѣвались?

— Да всяко. У меня, вотъ, ребенокъ былъ голодный. Извѣстно, плачетъ. А „германъ“ держитъ хлѣбъ въ рукахъ—у меня же отнялъ—да и машетъ имъ передъ ребенкомъ. По губамъ его помажетъ, тотъ потянется, а онъ назадъ отберетъ... Какая же это война? Свинство это, и больше ничего.

— А то еще съ моей бабой какъ вышло. Стала она у „германа“ просить, чтобъ назадъ отдалъ хоть немножко масла и молока. Мы, говоритъ она ему, люди бѣдные, самимъ ѣсть нечего. Такъ онъ что, негодяй, дѣлаетъ. Показываетъ на крестъ—распятіе у насъ въ углу стояло—показываетъ и говоритъ:

— „Ишъ кшишъ“ (крестъ кушай)!

Но „шуточки“ были, конечно, между прочимъ, главное же вниманіе сосредоточилось на грабежѣ.

Предоставленные самимъ себѣ, германцы, изнемогая отъ голода, набросились, прежде всего, на съѣстное для себя и для лошадей.

Въ сосѣднемъ имѣніи быстро опустошили запасы фуража, „реквизировали“ рожь и овесъ, десятки тысячъ пудовъ кукурузы и всю мѣдь, — на нее устремились съ особой жадностью. Увели всѣхъ коровъ, лошадей,—словомъ, все „языкомъ слизали“...

— „Fleisch!“ „Butter!“ (Мяса! Масла!)—таковы были боевые клики новыхъ рыцарей...

Крошечному Стасю, сыну моей паціентки, во время набѣга нѣмцевъ было отъ роду нѣсколько недѣль. Равнодушный ко всѣмъ случайностямъ войны, онъ спокойно спалъ себѣ въ колыбели. Какъ вдругъ ворвался „чужой дядя“, выхватилъ его оттуда и сталъ швырять во всѣ стороны: все искалъ, нѣтъ ли въ тряпьѣ куска хлѣба?—Эти русскіе, вѣдь, очень хитрые,—оправдывался онъ.

Не обошлось и безъ насилій надъ женщинами.

Непріятель увезъ съ собой четверыхъ крестьянскихъ дѣвушекъ. По просьбѣ мѣстнаго ксендза, дѣвушекъ удалось вернуть въ деревню.

Но вернулись онѣ—уже опозоренныя...

Только благодаря твердости штаба не тронули и расположенный въ трехъ верстахъ женскій монастырь.

Кстати, монастырь этотъ послѣ февральскихъ боевъ имѣлъ „высокую честь“ пріютить у себя принца Іоахима. Я заходилъ въ его бывшія комнаты,—теперь тамъ помѣщается одна изъ нашихъ канцелярій.

О подвигахъ принца Іоахима и его арміи въ этихъ мѣстахъ осталась почти сплошь мрачная память.

И тѣмъ рѣзче выдѣляется доброе воспоминаніе, сохранившееся среди крестьянъ о двухъ германскихъ солдатахъ: поистинѣ, нашлись двѣ отзывчивыя души въ средѣ бездушныхъ мародеровъ.

Первый изъ этихъ „праведниковъ“ спасъ отъ грабежа нѣсколько фунтовъ ветчины — единственный запасъ съѣстного въ одной халупѣ.

Сострадательный врагъ указалъ мужику мѣсто, гдѣ будетъ безопаснѣе всего спрятать ветчину. Лучше всего подъ солому, тамъ, гдѣ будутъ ночевать пруссаки: у себя подъ изголовьемъ они искать не будутъ. Мужикъ послѣдовалъ совѣту и этимъ, дѣйствительно, спасъ свою ветчину...

Еще краснорѣчивѣе былъ поступокъ другого „праведника". Онъ пожалѣлъ одну семью съ тремя малолѣтними дѣтьми, которой угрожало лишиться единственной коровы.

Полякъ изъ Познани, хорошо говорящій по-русски, онъ по собственному почину спасъ корову бѣдняка, выдавъ ему квитанцію въ томъ, будто у него уже произведена „реквизиція".

4.

Чѣмъ больше углубляешься въ суть великой войны, тѣмъ грандіознѣе становится не только ея общій смыслъ, размѣры и послѣдствія, но и ея отдѣльныя проявленія, штрихи и эпизоды.

Каждый изъ насъ, ея участниковъ, сегодня не тотъ, какимъ онъ былъ вчера, и завтра проснется не такимъ, какимъ онъ ложится въ постель сегодня.

Неуклонно и безостановочно происходитъ, подъ вліяніемъ войны, коренная перестройка всего его душевнаго уклада.

Это несущественно, что вчерашній избалованный петроградецъ, кабинетный человѣкъ, боявшійся громкаго говора и простуды, сегодня, ставши прапорщикомъ запаса или военнымъ врачемъ, спитъ на носилкахъ, ѣстъ „порцію" и не замѣчаетъ запаха онучей.

Но перемѣна, происшедшая въ этомъ прапорщикѣ, идетъ гораздо глубже внѣшнихъ привычекъ: у него—незамѣтно, безъ усилій и борьбы—перемѣнилось и пере-

строилось много завѣтныхъ мыслей, задушевныхъ понятій и взглядовъ.

Разумѣется, далеко не всѣ эти перемѣны незыблемы: часть ихъ и, вѣроятно значительная, исчезнетъ вмѣстѣ съ войной, какъ нѣчто временное. Но кое что войдетъ въ будущую жизнь, какъ составная часть новой и— хочется думать, болѣе свѣтлой—судьбы.

Къ числу временныхъ, надо надѣяться, вліяній войны относятся тѣ суевѣрные и порывы и тяготѣнія, которые вмѣстѣ съ войной привились многимъ изъ нашихъ интеллигентовъ.

Я заговорилъ объ этомъ вотъ по какому поводу. Во время страшныхъ февральскихъ боевъ, въ районѣ, откуда я пишу эти строки, былъ такой случай.

Одному изъ нашихъ офицеровъ-артиллеристовъ пришлось обстрѣливать имѣніе, въ которомъ засѣли нѣмцы.

Нѣмцевъ наши выбили, имѣніе разорили. Участвовалъ въ этомъ дѣлѣ и этотъ офицеръ; съ твердостью, достойной древняго римлянина, онъ исполнялъ свой долгъ, несмотря на то, что имѣніе было... его собственнымъ...

Такъ захотѣла судьба. На протяженіи нашихъ громадныхъ фронтовъ она изъ многихъ тысячъ офицеровъ предназначила именно его для наводки орудій на прадѣдовскую усадьбу—собственность его самого и сестры, откуда сестра бѣжала только на дняхъ, передъ самымъ приходомъ нѣмцевъ...

Эта дьявольская комбинація, это жуткое совпаденіе обстоятельствъ, показалось, какъ мнѣ говорили, офицеру чѣмъ то сверхъестественнымъ.

Рѣзко надломилось что-то въ душѣ, и тѣни легли на его дотолѣ ясный и бодрый обликъ.

Нѣчто подобное, хотя и безъ драматической окраски, произошло однажды и со мной, хотя я всегда гордился

своимъ трезвымъ, реалистическимъ взглядомъ на міръ. Идетъ ли, вообще, суевѣріе врачу?

Случилось это въ другомъ районѣ того же сѣверо-западнаго фронта. Уѣзжая изъ одного городка на передовыя позиціи, я какъ-то подарилъ мѣстному очагу для дѣтей бѣженцевъ новый градусникъ.

На другой день послѣ моего отъѣзда руководительница очага, желая измѣрить температуру у заболѣвшей дѣвочки, вынула подарокъ и, показывая его одной мѣстной дамѣ—благотворительницѣ, пошутила между прочимъ:

— „Пока этотъ градусникъ цѣлъ, будетъ цѣлъ и докторъ, который намъ его пожертвовалъ".

Въ эту минуту градусникъ выпалъ у нея изъ рукъ и разбился.

Объ этомъ мелкомъ случаѣ мнѣ написали туда, на позиціи, и я—судите меня какъ знаете!—долго не могъ отдѣлаться отъ какого-то безпокойнаго ожиданія или нервнаго предчувствія.

И хотя я пережилъ свой градусникъ и живъ донынѣ, но смутный—пусть безсмысленный—непріятный осадокъ отъ этого случая еще не растаялъ.

Такова заражающая сила войны, въ той или иной мѣрѣ ей покорны всѣ, даже самые трезвые...

У госпитальныхъ коекъ.

I.

Свѣжія сумерки конца августа.

Въ открытое окно льется гудѣніе—это изъ монастыря за Двиной, версты за двѣ отъ госпиталя. Отъ колокольнаго гула палата выглядитъ особенно чистенькой, точно умытой.

Раненые—вперемежку съ больными: тутъ не до строгаго раздѣленія тѣхъ отъ другихъ, только бы размѣстить всѣхъ.

У однихъ рѣзко обозначились подъ сѣрымъ одѣяломъ похудѣвшіе локти и колѣни, другіе умиротворенно—недавно была операція—уставились въ потолокъ или на желтѣющую зелень за окномъ.

Въ одномъ углу собралось большое общество: шесть немолодыхъ уже, за сорокъ лѣтъ, бородачей. Здѣсь что то разсказываютъ монотонно, вполголоса.

Отъ этихъ сумерекъ, отъ меланхоличнаго звона кажется, что группа въ углу бесѣдуетъ о чемъ то духовномъ—о житіи святого, о мукахъ за вѣру...

Но подойдите ближе, вглядитесь въ блестящіе, взволнованные глаза слушателей—и вы изумитесь:

„Жила—была коза—дереза,
Съѣла капусты три воза“,—

разсказываетъ одинъ старую, далекую сказку дѣтства.

Разсказчикъ широкоплечій солдатъ съ рукой на косынкѣ—вообще мастеръ своего дѣла, у него цѣлый коробъ разсказовъ. Но слушатели всему предпочитаютъ „Козу—дерезу“: и вчера требовали про нее, и третьяго дня...

Оторванные отъ семьи и отъ обычной, трудовой жизни, втянутые приводнымъ ремнемъ въ машину войны, эти бородачи, отцы семействъ, страстно полюбили трепетную фантазію, „красный вымыселъ“.

Сами иногда подсмѣиваются надъ своимъ легкомысліемъ—это вспыхиваетъ въ глазахъ—и въ то же время жадно тянутся къ небылицѣ, жадно ищутъ и вѣрятъ сплетенію выдумокъ.

По всей великой странѣ, съ сотняхъ госпиталей и лазаретовъ разсыпался сейчасъ русскій солдатъ, русскій крестьянинъ и рабочій, живетъ тамъ долгими не-

дѣлями и мѣсяцами—и какой же это богатый, поистинѣ неисчерпаемый источникъ для наблюденій и выводовъ!

Я бы даже сказалъ, что здѣсь, у больничныхъ коекъ, легче и вѣрнѣе дается изученіе нашей арміи, ея души, ея чаяній и надеждъ, чѣмъ „тамъ“—среди грохота и борьбы.

Здѣсь картина гораздо правдивѣе, потому что проще: здѣсь нѣтъ пышности боевой обстановки, нѣтъ увлекающаго геройства, нѣтъ подвиговъ. Даже больше: тутъ каждому разрѣшается быть слегка нараспашку, понервничать, побаловаться, чуть-чуть покапризничать.

Тѣмъ цѣннѣе, тѣмъ изумительнѣе царящій въ госпиталяхъ спокойный, ровный, дѣловой духъ и тонъ.

Крѣпко сидитъ у всѣхъ сознаніе, что отдыхъ, „починка“ нужны только въ цѣляхъ войны, что болѣзнь или рану надо какъ можно скорѣе преодолѣть и поспѣшить снова туда, на новую *работу,* простую, будничную работу.

Именно будничную. Не блескъ, не эффекты и пышное любованіе впереди и позади у этихъ людей, а сѣрый невидный трудъ.

Воодушевленія здѣсь, конечно, искать нечего. Да и вообще, даже на фронтѣ наблюдатели находятъ воодушевленіе, по моему, слишкомъ часто. Вѣдь подъемъ, горячность борбы по самой природѣ своей рѣдки: они какъ молитва, какъ праздникъ и торжество. Не могутъ такіе порывы сохраняться долгими мѣсяцами: всякое пламя гаснетъ, всякій порывъ выдыхается.

Обычно въ арміи царитъ то, что единственно возможно и что имѣетъ высокую цѣнность, боевую и нравственную: царитъ ровное, рабочее настроеніе. Солдатъ воюетъ такъ, какъ крестьянинъ пашетъ землю какъ сапожникъ точаетъ сапоги.

Впрочемъ, это мимоходомъ.

II.

Возлѣ той группы въ углу, которая слушаетъ сказку, стоитъ, немного поодаль, сестрица; тоже прислушивается.

На ея лицѣ нѣжность и снисходительность: точно мать улыбается шалостямъ ребенка.

Сестеръ солдаты вообще уважаютъ и любятъ, а эту особенно: она почти годъ пробыла на фронтѣ въ качествѣ санитара-добровольца и даже получила тамъ Георгія. Слабая, хрупкая женщина, она подъ огнемъ противника на плечахъ отнесла раненаго офицера изъ окоповъ на перевязочный пунктъ.

Это, кстати сказать, женщина незаурядная: готовность къ жертвамъ она привила и своему сыну, 16-лѣтнему юношѣ, онъ тоже отправился добровольцемъ на войну и, тяжело контуженный, былъ эвакуированъ въ одинъ изъ госпиталей въ Москву.

Когда сестры и вообще персоналъ госпиталя выражаютъ интересъ къ тому, чѣмъ живетъ больной или раненый, это вызываетъ благодарность совершенно исключительную.

Малѣйшая ласка, самое бѣглое вниманіе къ тому, что волнуетъ больного, какія ему новости пишутъ изъ деревни,—все это умиляетъ не привыкшую къ ласкѣ душу.

Стоитъ врачу, проходя вдоль коекъ, вскользь спросить:

— Что ты, Плѣшковъ, скучный такой? Вѣрно, писемъ изъ дому давно не было?

И Плѣшковъ, расцвѣтаетъ, свѣтлѣетъ весь, обласканный.

А какихъ только исторій здѣсь не наслушаешься! „Распечатать уста", добиться довѣрія нетрудно: тѣлесная слабость, покой, вынужденное бездѣлье солдатъ вызываютъ острую потребность разсказывать о себѣ.

Самыя неожиданныя сплетенія обстоятельствъ, курьезнѣйшія комбинаціи событій умѣетъ придумывать война и ея „починочная мастерская"—госпиталь.

Такъ, одинъ больной солдатъ, довольно интеллигентный еврей—ремесленникъ, до сихъ поръ не можетъ забыть тягостнаго случая, происшедшаго съ нимъ еще ранней весной далеко отсюда, на р. Наревѣ.

Надъ мѣстечкомъ Р., расположеннымъ на этой рѣкѣ, одно время часто летали германскіе аэропланы. И вотъ какъ то утромъ, тотчасъ послѣ отлета нѣмца, на главной улицѣ нашли подозрительное письмо. Рѣшили, что это прокламація, брошенная съ аэроплана.

Когда оказалось, вдобавокъ, что письмо написано по-еврейски, то подозрѣнія были признаны еще болѣе основательными.

Призвали переводчика, и тутъ выяснилось слѣдующее: въ письмѣ какой-то солдатъ описывалъ свою однообразную жизнь въ казармахъ Н-аго полка въ Р., свою тоску по роднымъ и пр.

Писалъ, значитъ, не нѣмецъ, а нашъ. Но кто же? И главное, кому?

Произвели дознаніе. Авторомъ оказался солдатъ-еврей, мой теперешній паціентъ.

Тайна разъяснилась просто: написавъ письмо, солдатъ вышелъ на балконъ въ зданіи казармы, вѣтромъ письмо унесло и сбросило на мостовую, на сосѣдней улицѣ.

Дѣло, правда, кончилось благополучно, но могло выйти прямо трагическое недоразумѣніе, и невольный виновникъ до сихъ поръ съ горечью вспоминаетъ объ этомъ. Случается, даже бредитъ письмомъ и балкономъ.

III.

Для небольшихъ городовъ тыла, куда перешли изъ Польши и Литвы госпитали фронта, эти госпитали

сдѣлались своеобразными центрами, гдѣ сильнѣе всего бьется пульсъ мѣстныхъ военныхъ интересовъ.

Въ представленіи провинціаловъ раненые стоятъ какъ-то выше, героичнѣе, чѣмъ просто больные, и потому достаточно забинтованной головѣ или рукѣ на перевязи показаться въ открытомъ окнѣ, какъ подъ окномъ уже останавливаются сочувствующіе, заводится оживленная бесѣда.

Лѣтомъ раненые высовываются иной разъ даже безъ шинели, въ болѣе чѣмъ непринужденномъ костюмѣ, состоящемъ изъ бѣлья, и врачу не безъ труда удается побороть эту чрезмѣрную простоту нравовъ.

Человѣка новаго нашъ сѣрый солдатъ вообще коробитъ иной разъ рѣзкой прямотой своей манеры и своего языка; юныя сестрицы краснѣютъ до слезъ, до замиранія сердца отъ той простоты, съ какой солдаты называютъ вещи своими именами.

Но въ то же время ни у кого изъ нихъ и въ мысляхъ нѣтъ оскорбить стыдливость женщины, и говорятся всѣ эти крѣпкія выраженія такъ безхитростно, что сестры очень скоро перестаютъ это даже замѣчать.

И очень скоро—стоитъ только отбросить предвзятыя сужденія на порогѣ госпитальной палаты—очень скоро врачи и сестры милосердія начинаютъ чувствовать себя легко, свободно и какъ-то молодо.

Конечно, тема, которую я затронулъ—населеніе нашихъ госпиталей,—слишкомъ большая и сложная тема, ее не исчерпать сразу. Захватывающе интереснаго въ этомъ населеніи, во всякомъ случаѣ, такъ много, что просто не понятно, отчего объ этой сторонѣ войны у насъ пишутъ такъ скупо и рѣдко?

Но объ этомъ въ другой разъ, а сейчасъ заглянемъ еще, послѣ солдатскихъ палатъ, въ офицерскія.

IV.

Пройдемъ быстро, не останавливаясь, черезъ офицерское отдѣленіе для тяжелыхъ больныхъ,—задержимся только на минуту возлѣ одной щемящей душу фигуры.

Молодой, плечистый прапорщикъ, съ красивыми, еще не потерявшими юношескаго выраженія, сѣрыми глазами. Маленькій женственный ротъ, въ петличкѣ Георгій. Но въ рукѣ у него палка, но его походка такъ неожиданна, такъ зловѣща: разслабленная, развинченная походка старика...

Въ первый разъ я заговорилъ съ нимъ—но тщетно: онъ совершенно нѣмъ.

Настигла воздушная контузія—и юноша цѣликомъ потерялъ способность рѣчи...

Впечатлѣніе онъ производитъ гнетущее, хотя случай какъ разъ не очень тяжелый, при всей кажущейся серьезности. Понемногу, но сравнительно скоро, къ нему цѣликомъ вернется даръ рѣчи. Кто бы повѣрилъ этому при первомъ взглядѣ?

Такъ рѣзко не совпадаютъ иногда то впечатлѣніе отъ больного или раненаго, какое получаетъ профанъ, съ тѣмъ „предсказаніемъ", какое дѣлаетъ медицина.

Пойдемъ, однако, дальше. Вотъ такъ называемое общежитіе, здѣсь помѣщается десятка два офицеровъ, все легко раненые и больные. Тутъ они живутъ почти внѣ госпитальнаго режима,—принимаютъ своихъ гостей, устраиваются вообще довольно свободно.

Вотъ кто не устаетъ разрѣшать стратегическія задачи, вотъ гдѣ до хрипоты спорятъ о положеніи на фронтѣ, объ очередныхъ цѣляхъ нашего и германскаго командованія!

Кого только тутъ нѣтъ: и дореформенный штабъофицеръ съ суровымъ обвѣтреннымъ лицомъ и наро-

чито солдатской, грубой прической, и нѣжный, холеный подпоручикъ съ отточенными розовыми ногтями.

Здѣсь каждая койка, каждый „номеръ" въ спискахъ,—конечно, гораздо сложнѣе, чѣмъ въ солдатскомъ отдѣленіи. И драмы, которыя здѣсь довѣряются врачу, зачастую обвѣяны яркимъ романтизмомъ и необычайностью красокъ.

Обо всемъ этомъ тоже какъ-нибудь въ другой разъ. А сейчасъ еще отмѣчу одну удивительно трогательную фигуру.

Высокій, стройный офицеръ-пулеметчикъ, прямо влюбленный въ свое дѣло. Независимый, холостой, избалованный, видимо, побѣдами у женщинъ, онъ бросилъ прекрасное положеніе „въ міру" и весь ушелъ въ зыбкую глубь войны.

Холодный эгоистъ, — думалъ я о немъ. А его тяготѣніе къ войнѣ я приписывалъ скорѣе всего жаждѣ риска и тщеславію.

Но до чего же обманчиво было мое впечатлѣніе! Совсѣмъ, совсѣмъ инымъ предсталъ онъ мнѣ однажды, когда теплымъ задушевнымъ тономъ разсказалъ слѣдующее.

— „Понимаете, докторъ, мнѣ до зарѣзу надо поскорѣе выздоровѣть и вернуться въ строй! Не столько воевать— это успѣется — а вотъ своего сына устроить надо. Вы удивляетесь? Да, со мной сынъ. Не родной, конечно: пріемышъ. Девяти лѣтъ. Подобралъ подъ Блоне.

Никогда не забуду этого дня. Мы защищали деревеньку польскую, уже почти разрушенную артиллеріей. Смотрю — корова свалилась — а мужикъ такъ старался ее спасти! Корова лежитъ мертвая, а глупый теленокъ, какъ ни въ чемъ не бывало, среди всего этого грохота, наклонился надъ тѣломъ матери и сосетъ ее, мертвую...

Вообразите, этотъ теленокъ, сосущій мертвую мать, такъ взволновалъ меня, что я подъ выстрѣлами бро-

сился туда, во дворъ, отыскалъ единственное живое существо, девятилѣтняго Казю, и взялъ его съ собой. И вожу его по всему фронту, вотъ уже семь мѣсяцевъ...

Онъ помолчалъ задумчиво и прибавилъ съ застѣнчивой улыбкой:

— По правиламъ нашего полка, мнѣ скоро можно будетъ жениться. И невѣста есть на примѣтѣ. Только, вотъ, какъ она отнесется къ Казѣ моему богоданному? Какъ вы думаете, а? Если не признаетъ Казю—не надо мнѣ ея вовсе: я безъ него ни шагу"...

...Да, война велика и необычайна именно тѣмъ, что она обнажаетъ человѣческія души, что она раскрываетъ ихъ съ самой неожиданной и иногда прекрасной стороны.

Становится близкой и очевидной какая-то новая, изумительная правда о людяхъ...

Дорого, безконечно дорого платитъ человѣчество за эти осколки правды.

Но вѣдь только то и цѣнно, то и прочно, къ чему люди приходятъ путями скорби и страданія...

Изъ записной книжки.

Въ теченіе всей войны я веду—очень нерегулярно, впрочемъ,—записи всего, чему меня „свидѣтелемъ Господь поставилъ".

Боевыми эти полтора года у меня не были. Дѣйствительно боевую, походную жизнь мнѣ удавалось испытать только урывками, на короткое время: раздѣляя судьбу той ополченской дружины, въ которой я прослужилъ первый годъ войны, я мало и рѣдко бывалъ въ настоящемъ огнѣ, да и вообще часто томился вынужденнымъ бездѣльемъ.

Наконецъ мнѣ посчастливилось, если не въ смыслѣ приближенія къ огню, то въ смыслѣ живой и интересной работы. Я былъ переведенъ въ тылъ, правда, но зато на такое мѣсто, гдѣ я сразу очутился среди сотенъ серьезныхъ раненыхъ и больныхъ.

Для врача работа въ близкомъ тылу можетъ дать неизмѣримо больше удовлетворенія и отрады, чѣмъ на передовыхъ позиціяхъ. Тѣмъ болѣе, если врачъ интересуется наблюденіями, все равно какими — научнаго или какого-либо иного свойства.

О себѣ скажу, что съ того дня, какъ меня перевели въ близкій тылъ, я сталъ себя чувствовать не дальше отъ „сути" всего происходящаго, а *ближе* къ ней. Я больше былъ на мѣстѣ, чѣмъ раньше, когда мы хотя и бывали часто въ двухъ шагахъ отъ событій, но изъ десяти дней девять проводили въ томительномъ ожиданіи.

Разумѣется, яркости и внѣшнихъ эффектовъ стало вокругъ очень мало: бытъ и среда тутъ наполовину будничныя.

Но тѣмъ легче зато здѣсь приглядываться къ душѣ солдата, къ пестрымъ узорамъ бѣженства...

За полтора года въ моей записной книжкѣ накопилось много цѣнныхъ матеріаловъ,—фактовъ, приказовъ, наблюденій и пр. Но, по понятнымъ причинамъ, подавляющее большинство этого матеріала умѣстнѣе будетъ опубликовать только послѣ войны.

Сейчасъ я извлекаю оттуда всего нѣсколько записей, выбирая то, что хотя бы отдаленно относится къ моей работѣ врача.

Извиняюсь за отрывочность и пестроту замѣтокъ: онѣ прямо вырваны изъ книжки.

— 14-го февраля.—Поздно вечеромъ, на мосту черезъ Наревъ, встрѣтилъ фурманку. Въ ней два раненыхъ

офицера: одинъ—русскій, прапорщикъ, другой—нѣмецъ, поручикъ. Кучера нѣтъ, русскій правитъ самъ.

Нѣмецъ съ блѣднымъ, точно мертвымъ лицомъ, до горла укрытъ одѣяломъ. Смотритъ въ звѣздное небо и жадно, взасосъ куритъ. Нашъ сидитъ впереди, онъ самъ свою рану въ госпиталь везетъ и плѣннаго, вотъ, привезъ...

Оба въ плѣну у своей страдающей плоти. Оба еще съ утра трясутся по адской дорогѣ, оба стонутъ и—молчатъ: сговориться не могутъ. Только, вотъ, папиросу нашъ одолжилъ плѣннику...

* * *

— 21-го февраля. — Въ ... стрѣлковомъ полку мнѣ показали интереснаго добровольца. Бывшій народный учитель. Явился въ полкъ и откровенно сказалъ, что у него жестокая чахотка, но онъ хочетъ тутъ умереть на позиціи: „все-таки хоть какая-нибудь польза еще отъ меня будетъ“. Изъ жалости — не гнать же такого назадъ!—пришлось зачислить.

Костлявая шея, запавшіе виски, румянецъ пятнами.

Пріѣхалъ капитанъ Н., недавно съ боевъ на Равкѣ. Разсказываетъ трогательный эпизодъ.

Какъ то нашъ солдатъ изъ окопа запримѣтилъ вдали гуся заблудшаго. Онъ соблазнился и среди бѣла дня, въ виду непріятеля, застрѣлилъ птицу. Побѣжалъ за своей добычей, но тутъ изъ своей норы выбѣжалъ нѣмецъ и успѣлъ ее перехватить.

Дѣлать нечего: нашъ солдатъ только кулакомъ погрозилъ нѣмцу и выругался круто.

Забавнѣе всего, что съ обѣихъ сторонъ съ большимъ интересомъ слѣдили за состязаніемъ и даже стрѣлять на время забыли.

* * *

— 24-го марта. — Усиленно боремся съ „внутреннимъ врагомъ“—паразитами. Шлютъ безъ конца этотъ

ужасный, никому—кромѣ, развѣ, изобрѣтателя—ненужный „насѣкомоядъ“.

Укупориваютъ его плохо, запахъ гнусный, и главное—толку никакого. Наболтано карболки, дегтю и еще чего то, названіе звучное придумали. Впрочемъ отъ „названія“ рекламой несетъ.

Солдаты предпочитаютъ „симпатическое“ средство: въ Н. полкъ на пробу прислали изъ штаба дивизіи одну чудодѣйственную ленту. Сѣраго сукна, чѣмъ то смочена.

Полковой адъютантъ выбралъ самого „паразитнаго“ солдата и надѣлъ ему ленту черезъ плечо. Велѣлъ ему на завтра придти въ канцелярію. Тотъ ушелъ и четыре дня не показывался. Наконецъ, послали за нимъ.

— Ты отчего такъ долго не приходилъ?

— Боялся я, ваше благородіе, что ленту отнимете. Такое средство, такое, что лучше не надо. Какъ надѣлъ — стали „они“ пухнуть и падать, пухнуть и падать!.. Дозвольте, ваше благородіе, еще денька два поносить...

* * *

...Я объѣздилъ поля Прасныщскихъ боевъ. Въ Пултускѣ, въ кофейнѣ, разговорился съ однимъ врачомъ... сибирскаго корпуса, и онъ разсказалъ мнѣ любопытный эпизодъ изъ этихъ боевъ.

Русскій врачъ ... стрѣлковаго полка наклонился надъ раненымъ нѣмецкимъ офицеромъ, чтобъ осмотрѣть рану. Въ эту минуту тотъ извернулся и выхвативъ револьверъ, выстрѣлилъ въ доктора. Отъ неожиданности докторъ отшатнулся и при этомъ невольно такъ отвелъ руку предателя, что выстрѣлъ пришелся въ лобъ этому послѣднему.

* * *

— 3-го марта.—Ѣду въ санитарномъ поѣздѣ. Старшій врачъ — типичный земскій человѣкъ. Немножко

смѣшной въ удаломъ военномъ полушубкѣ. Сестрицы — усталыя, съ грустными глазами, но милыя и женственныя.

Часа три тому назадъ, на полустанкѣ, они сдали умершаго отъ ранъ солдата, теперь наперерывъ мнѣ о немъ разсказываютъ. Удивительная душа была: деликатная до святости.

Отъ нагноившейся раны тазобедреннаго сустава мученія у него были ужасныя, а онъ все сокрушался,— даже за полчаса передъ смертью—объ одномъ: что безпокоитъ людей. Доктора безпокоитъ, сестру, что впрыскивала ему камфору...

Такъ и умеръ, сокрушаясь отъ сознанія своей „вины"...

Другой раненый въ поѣздѣ—совсѣмъ иного склада: онъ преодолѣваетъ свои страданія съ помощью юмора.

— Оглушило, это, меня шрапнелью, — усмѣхается онъ, — я и упалъ. А какъ очнулся, смотрю — рядомъ нога лежитъ. Что за оказія? Чья, думаю, нога? Моя или чужая? Потрогалъ—такъ и есть: моя...

* * *

— 8-го марта. — О—ка. Первое знакомство съ „таубе" и нѣмецкими бомбами.

Ѣздилъ на вокзалъ за подарками для дружины. Прелестное солнечное утро. Стою возлѣ полевой аптеки. Вдругъ вижу — поднятыя кверху головы: жужжитъ „таубе". Падаетъ на путяхъ бомба.

На мѣстѣ катастрофы сытый, важный жандармъ. Онъ пристаетъ ко мнѣ, держа записную книжку, съ вопросами о ямѣ, вырытой взрывомъ.

— Ваше благородіе, глубина ямы $^{3}/_{4}$ аршина, не больше? А діаметръ какъ прикажете записать: аршина полтора будетъ?

Эпизодъ съ бомбой произвелъ на меня жуткое впечатлѣніе. Но это только въ первый разъ: втеченіе пяти

недѣль городокъ почти ежедневно подвергался налетамъ, такъ что къ бомбамъ мы привыкли очень скоро.

Въ дер. Лазекъ, гдѣ мы одно время стояли лагеремъ, я готовилъ нѣсколькихъ солдатъ къ экзамену на ротнаго фельдшера. Точно глава древне-греческой школы, я по утрамъ гулялъ со своими учениками и знакомилъ ихъ съ физіологіей и терапіей. И когда надъ нашими головами раздавалось характерное жужжаніе нѣмецкаго пропеллера, я не прерывалъ своей лекціи и ученики не отрывались отъ нея.

А мой денщикъ даже сталъ пользоваться прилетомъ „таубе“ какъ будильникомъ: „это“ начиналось ровно въ восемь часовъ утра, и онъ такъ и будилъ меня:

— Ваше благородіе, вставать пора: нѣмецъ прилетѣлъ.

* * *

Послѣ обѣда принесли нашего солдата, Бертыша; тяжело раненъ осколкомъ. Едва ли останется въ живыхъ.

Ихъ, Бертышей, двое въ ротѣ, однофамильцы. Оба рядомъ работали на постройкѣ полевой „колейки“. Былъ часъ отдыха и они сидѣли на одной шинели, интересуясь, какъ это человѣкъ чудно по воздуху летаетъ.

Вдругъ—взрывъ гдѣ-то вблизи, одного изъ Бертышей тяжко ранило, а у другого рядомъ—даже шинель цѣла!..

— Судьба!—качаетъ головой фельшеръ.

— Судьба, — убѣжденно говорилъ мнѣ и одинъ штабъ-офицеръ, вполнѣ интеллигентный человѣкъ, вспоминая гибель своего пріятеля, артиллерійскаго поручика В.

Поручикъ верхомъ ѣхалъ съ позицій къ намъ въ

городокъ, полѣчиться отъ пустяковой, въ сущности, болѣзни. Съ нимъ денщикъ, тоже верхомъ.

Вдругъ разрывается бомба на самомъ крупѣ офицерской лошади.

И что же? Денщикъ остается невредимъ, даже лошадь только ранена, а поручикъ убитъ на мѣстѣ...

***

...Раненый хохолъ. Постоянно чему-нибудь удивляется и недоумѣваетъ. Когда ни подойдешь, послушать его—онъ всегда широко разводитъ руками.

— Кололъ я тоді, кололъ—ажъ утомывся, а колю, а воны по нашему крычать: сдаемся! А я колю, а я колю—самъ себе не понимаю. Бігаютъ воны кругомъ, бігаютъ, а податься имъ нікуда...

Чаще всего онъ вспоминаетъ другой моментъ,—видно, особенно его поразившій:

— Я его тоді штыкомъ, а вінъ съ трохъ шагівъ—въ мене стріляе! Отъ бісовъ сынъ, съ трохъ шагівъ, тай ще нічью (ночью)!

***

— 6-го апрѣля.—Въ мѣстной санитарной комиссіи ужасно боятся чьи-нибудь интересы задѣть. Доходятъ положительно до анекдота. Вотъ два постановленія комиссіи.

Владѣлецъ дома, гдѣ помѣщается очагъ-ясли для дѣтей бѣженцевъ, задумалъ выкинуть очагъ на улицу: подвернулся болѣе выгодный жилецъ. И вотъ какъ комиссія „реагировала" на это:

„Потребовать, чтобы очагъ не выселяли, *если* это *не нарушитъ* интересовъ домовладѣльца".

Еще мудрѣе порѣшили насчетъ бани:

„Исправить мѣстную баню, *если* это *входитъ въ кругъ* дѣятельности санитарной комиссіи"...

Входитъ въ кругъ или не входитъ—это для самой комиссіи не ясно...

Любопытны были и пренія о постройкѣ бани. Мѣстный бургомистръ оригинально подошелъ къ вопросу:

— Христіанское населеніе, заявилъ онъ,—баней не пользуется, евреи тоже ходятъ только разъ въ недѣлю, по пятницамъ,—стóитъ ли, въ такомъ случаѣ устраивать? Тѣмъ болѣе, что „богатые могутъ устраивать ванны у себя дома, а бѣдные не избалованы“...

Кстати: домовладѣлецъ, желающій вышвырнуть очагъ на улицу—врачъ К.; онъ много лѣтъ уже практикуетъ верстахъ въ двадцати отсюда, недалеко отъ германской границы.

Любопытныя о немъ говорятъ вещи. Лѣчитъ онъ только богатыхъ, причемъ гонораръ требуетъ обязательно впередъ, даже при родахъ. При этомъ видный мѣстный „народовецъ“.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ—уже во время войны—онъ представилъ „по начальству“ списокъ 70-ти евреевъ округи, которые, по его мнѣнію, „неблагонадежны“ и „подлежатъ высылкѣ за шпіонство“...

Если евреевъ не выслали все-таки, то только потому, что за нихъ заступился бывшій начальникъ земской стражи.

***

— 24-го мая. — Съ большимъ трудомъ, пользуясь воинскими и санитарными поѣздами, я добрался коекакъ къ себѣ на фронтъ,—ѣздилъ въ командировку въ Варшаву.

Въ высоко-чтимый у поляковъ праздникъ Тѣла Господня въ обычные, не военные годы Варшава устраиваетъ пышныя, многолюдныя процессіи.

На этотъ разъ процессіи отмѣнены, но въ Уяздовской Аллеѣ радуются солнцу и весеннему блеску огромныя толпы гуляющихъ.

Томитъ сладкій запахъ акаціи и уже отцвѣтающей сирени, съ задорнымъ звономъ несутся вагоны трам-

вая, на фонѣ свѣжей зелени повсюду бѣлые островки женскихъ нарядовъ...

И такъ дико, такъ невѣроятно представить себѣ, что тутъ же, рядомъ, за высокими окнами лазаретъ,— двѣ огромныя палаты сплошь заняты жертвами варварскаго отравленія газами, придуманнаго для истребленія людей народомъ Вирхова, Гельмгольца, Эрлиха...

* * *

...Въ это чудесное весеннее утро—утра такъ очаровательны въ элегантной Варшавѣ!—я посѣтилъ одинъ изъ варшавскихъ госпиталей, гдѣ размѣщено больше трехсотъ солдатъ, отравленныхъ удушливыми газами.

Я никогда не забуду этого впечатлѣнія. Ужасъ, отвращеніе, горячая жалость къ жертвамъ,—все вмѣстѣ вихремъ закружилось въ душѣ.

Какъ-то не укладывалась въ головѣ самая мысль о подобной гнусности. Это было послѣ перваго, въ сущности, на нашемъ фронтѣ примѣненія газовъ, и потому никто еще на успѣлъ свыкнуться съ „новинкой".

Здѣсь много дѣйствительнаго сходства съ тѣмъ, какъ выкуризаютъ крысъ во время чумныхъ эпидемій. Можетъ быть, нѣмцы не остановились бы и передъ распыленіемъ въ рядахъ врага разводокъ чумы или холеры, еслибъ это не было сопряжено съ слишкомъ большой опасностью для самихъ нѣмцевъ...

Въ самое первое время мы не знали еще ни примѣняемаго нѣмцами газоваго состава, ни, значитъ, способовъ лѣченія, но уже скоро у насъ изучили и это новое оружіе борьбы и пріемы защиты отъ него.

Первая встрѣча съ удушливыми газами, въ это утро Тѣла Господня, гнетущей тяжестью легла на мое сознаніе. Въ этой новой грани войны мнѣ почувствовался основной нервъ воинствующаго германизма. Изъ баллоновъ съ хлоромъ, точно, вырывалось дыханіе самого дьявола...

Въ новомъ, неожиданномъ свѣтѣ мнѣ предсталъ и непосѣдливый старичекъ профессоръ Эрлихъ во Франкфуртѣ, и мой живописный домикъ въ Груневальдѣ возлѣ Берлина, и тихій памятникъ философу Канту въ Кенигсбергѣ...

И все, все нѣмецкое, такое знакомое, привычное и уютное...

* * *

— 6-го іюня.—Дер. Д., 6 верстъ отъ позицій. Поселился вмѣстѣ съ санитаромъ обывательскаго комитета въ единственной, какая нашлась, халупѣ.

Одолѣваютъ клопы, половицы всѣ врозь. Зато живая работа нашлась: принимаю больныхъ изъ мѣстныхъ жителей, и часть „дома" отвелъ подъ изоляціонный пунктъ.

Въ нѣскольких верстахъ, къ югу отъ позицій, горитъ лѣсъ — вѣрнѣе, курится. На большомъ пространствѣ желтѣютъ грязныя облака дыма, отъ этого солнце и все вокругъ имѣетъ такой видъ, какъ при затменіи. Это вліяетъ на настроеніе солдатъ: ходятъ хмурые, сосредоточенные.

По близости дивизіонный лазаретъ, я бываю у тамошнихъ врачей въ гостяхъ. Вотъ бы гдѣ поработать: большой и разнообразный матеріалъ, есть лабораторія, изслѣдованія дѣлаютъ.

Одинъ изъ лазаретныхъ врачей повелъ меня въ штабъ дивизіи, въ двухъ верстахъ отъ насъ. При насъ привели двухъ интересныхъ плѣнныхъ нѣмцевъ.

Одинъ — унтеръ-офицеръ, инженеръ-путеецъ. Онъ держится очень независимо, слѣпо вѣритъ въ побѣду нѣмцевъ.

— Повѣрьте,—говоритъ онъ—голода у насъ нѣтъ. А что газеты пишутъ, такъ что жъ такое: не вѣрьте вы своимъ газетамъ, какъ мы давно перестали вѣрить нашимъ! Дороговизна, конечно, есть, но вѣдь она и у васъ имѣется.

Другой плѣнный въ отвѣтъ на вопросъ: „Правда ли, что у васъ нѣтъ хлѣба?“—вызывающе отвѣтилъ:

— У насъ ровно столько же хлѣба, сколько у васъ снарядовъ!..

Злобный и—увы!—справедливый, для того момента, отвѣтъ!..

* * *

— 12-го іюня.—Въ перевязочной дивизіоннаго лазарета разспрашивалъ, въ качествѣ переводчика, двухъ раненыхъ нѣмцевъ.

Германъ Гюгельмейстеръ, изъ Берлина, плотникъ. Видъ тупой, измученный. Лицо закопчено дымомъ.

Пока я вожусь съ нимъ, санитары и фельдшеръ напрягаются всячески, чтобы сговориться со вторымъ плѣннымъ. Жесты они дополняютъ крикомъ, надѣясь, что громкую рѣчь нѣмецъ скорѣе пойметъ...

И вдругъ, я подхожу и обнаруживаю, что плѣнникъ—Романъ Добровольскій, полякъ изъ Познани... Всѣ усилія санитаровъ были, значитъ, излишни: они могутъ, безъ криковъ и жестикуляціи, столковаться съ нимъ кое-какъ по-польски.

Санитары сконфужены этимъ открытіемъ, а плѣнный весело улыбается: онъ въ восторгѣ, что попалъ, наконецъ, „къ своимъ“ въ плѣнъ...

Бѣженцы тыла.

1.

...Хорошо было лѣтомъ: въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ, по шоссе и грунтамъ, тепло было новымъ кочевникамъ, и трясскія фуры съ женщинами и дѣтьми были сравнительно сноснымъ прибѣжищемъ.

Нерѣдко, правда, голодали, но по крайней мѣрѣ, не мерзли. Долгими днями и недѣлями передвигались вглубь тыла—туда, гдѣ будетъ приказано или будетъ разрѣшено осѣсть...

Но теперь же какъ? На сѣверномъ и западномъ фронтѣ давно уже по утрамъ заморозки, и мѣстами прочно залегъ снѣжный покровъ. Вагоны товарныхъ поѣздовъ только называются „теплушками", но не отапляваются или отапливаются очень скудно...

Въ городкѣ тыла, откуда я пишу это, усиленно дѣлаются попытки облегчить положеніе бѣженцевъ. Какъ удается помочь тѣмъ, которые осѣли въ городкѣ, я разскажу ниже, сейчасъ же я разумѣю группы бѣженцевъ, проѣзжающія мимо и слѣдующія дальше.

Нашлось нѣсколько предпріимчивыхъ людей и образовали комитетъ. Списались съ подобными же организаціями ближайшихъ мѣстъ о томъ, чтобъ ихъ телеграфно предупреждали о проѣздѣ, черезъ ихъ городъ, бѣженцовъ.

Кто живалъ въ провинціи, представитъ себѣ, какъ труденъ былъ для нихъ первый шагъ,—напримѣръ, устройство на вокзалѣ сарая съ котломъ и скамьями. Кое-какъ, все же, сдѣлали это, и добрыя души всякій разъ, какъ только приходила телеграмма, стали устремляться на вокзалъ, дежурить.

Люди все занятые, они терпѣливо ждали по сутки, по двое, но бѣженцы не прибывали: свѣдѣнія оказывались ошибочными... Зря пропадала заготовленная для бѣженцевъ горячая пища,—а вѣдь на нее тратили изъ собранныхъ съ городка скромныхъ средствъ по 100—150 рублей...

Когда же, наконецъ, прибывалъ поѣздъ съ бѣженцами, для него уже не было средствъ заготовить пищу.

Но это еще не самое худшее. Бываетъ и такъ, что

тутъ на вокзалѣ все готово, а поѣздъ, по неисповѣдимымъ желѣзнодорожнымъ велѣніямъ, останавливаютъ въ десяти-двѣнадцати верстахъ отсюда, на глухомъ и безлюдномъ полустанкѣ, гдѣ и за деньги ничего достать нельзя.

Мало того: случается, облюбуютъ почему-то плохой полустанокъ и держатъ тамъ „грузъ", т. е. бѣженцевъ—день, и два, и недѣлю. А придетъ поѣздъ на большую, оживленную станцію, гдѣ и люди съ починомъ имѣются, и нѣкоторыя средства собраны—и поѣзду вдругъ станетъ некогда: постоитъ полчаса-часъ и заспѣшитъ дальше, не давъ людямъ времени поѣсть спокойно, чаю напиться, размять онѣмѣвшія ноги...

Прибавьте къ этому, что въ провинціи трагически мало людей, способныхъ и готовыхъ помогать, что наша „убогая и обильная" провинція, въ силу недостатковъ организаціи, нуждается въ самомъ необходимомъ,—и вы поймете всю сложность „задачи о бѣженцахъ", особенно на мѣстахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, за что прежде всего хвататься?

Денегъ мало, и нужно быть очень экономнымъ. Съ чего же начать? Устроить дешевую столовую? Ночлежный домъ? Мастерскую? Или наладить бюро труда и очаги-ясли для дѣтей?

Предположимъ остановились на чемъ-нибудь. Но какъ это технически сдѣлать? Какую строить печь? Какъ выгоднѣе наладить сапожную, скажемъ, или бѣлошвейную мастерскую? Чѣмъ и какъ оборудовать очаги?

Все это съ виду простыя вещи, но нашъ тылъ такъ внезапно очутился передъ ними, что съ большимъ трудомъ съ ними справляется.

Необходимо, чтобы крупныя „бѣженскія" организаціи столицъ дѣлились своимъ опытомъ съ робкими начинаніями провинціи, особенно близкаго тыла.

Пусть газеты сообщаютъ какъ можно больше под-

робностей, пусть описываютъ, какъ технически всего выгоднѣе устраивать то или иное „бѣженское“ учрежденіе, пусть приводятъ примѣрныя расходныя данныя!...

Потомъ: отчего земскій и городской союзы не разсылаютъ по тылу брошюръ съ техническими совѣтами и указаніями? Это сразу подвинуло бы работу на мѣстахъ.

Я все это говорю по опыту: мнѣ удалось близко и довольно долгое время, рядомъ съ работой военнаго врача, участвовать во многихъ учрежденіяхъ этого рода на фронтѣ и въ близкомъ тылу. И вездѣ мой выводъ былъ именно таковъ.

Наконецъ, вѣдь въ провинціи трагически нѣтъ людей. Опытныя и богатыя персоналомъ организаціи столицы должны бы разсылать повсюду особыхъ уполномоченныхъ. Читая лекціи въ пользу мѣстныхъ учрежденій, они будили бы косность провинціи, указывали бы, какъ помогать бѣженцамъ примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ.

2.

Въ городѣ, гдѣ я пишу эти строки, собралось до десяти тысячъ бѣглецовъ; это равняется почти половинѣ коренного населенія.

Въ громадномъ большинствѣ это—латыши и литовцы изъ Курляндіи и Лифляндіи. Есть поляки и нѣсколько десятковъ еврейскихъ семействъ, эти сравнительно не нуждаются. Тѣмъ не менѣе, уже существуетъ особый еврейскій комитетъ, намѣчается также особый польскій.

Въ стремленіи отдѣльныхъ національныхъ группъ отъединяться—много сложныхъ и деликатныхъ мотивовъ: дѣло тутъ вовсе не только въ различіи языковъ. Что это такъ, видно изъ такого печальнаго факта: рядомъ

съ одной латышской организаціей здѣсь въ послѣднее время открылась еще одна, тоже для латышей.

Работаютъ обѣ бокъ-о-бокъ, какъ бы конкурируютъ другъ съ другомъ, и самымъ очевиднымъ образомъ другъ другу мѣшаютъ...

... Въ послѣдніе дни массовый пріѣздъ бѣженцевъ какъ-то ослабѣлъ, но по нѣсколько семействъ прибываетъ все же съ каждымъ поѣздомъ. Для небольшого городка это очень и очень ощутительно. Особенно же въ виду царящихъ здѣсь положительно безстыдныхъ цѣнъ на все необходимое.

Какимъ-то таинственнымъ образомъ въ отнюдь не бѣдной губерніи городъ не имѣетъ муки; половина булочныхъ и кондитерскихъ остаются закрытыми и на дверяхъ невѣроятная, чудовищная надпись:

„Хлѣба нѣтъ въ виду отсутствія муки“.

На молоко—несмотря на обиліе фермъ въ окрестностяхъ города — вѣчно хвостъ очереди. А что касается сахара, то здѣсь царитъ прямо разбой: песокъ одно время стоилъ 28 коп. фунтъ, а рафинадъ даже 36 коп.

При такихъ условіяхъ — съ чего начинать? Что самое неотложное?

Какъ, напримѣръ, быть съ двумя замужними женщинами-бѣженками изъ Вильны, которыя пріѣхали въ легкихъ дорожныхъ платьяхъ, а свой багажъ—7 пудовъ — вотъ уже два мѣсяца не могутъ получить съ желѣзной дороги?

Запутанные клубки, безвыходныя положенія встрѣчаются на каждомъ шагу...

И если здѣсь война не переживается непосредственно, если не доходитъ сюда ея тяжелая грохочущая поступь, то ближайшія ея послѣдствія и катастрофы больно, очень больно задѣваютъ насъ... нашу совѣсть и стыдъ...

3.

Подвернулся случайный перерывъ въ госпитальной работѣ и мнѣ захотѣлось использовать это для систематическаго обхода бѣженцевъ по домамъ—отчасти съ медицинской цѣлью, отчасти ради наблюденій.

Тѣсная связь между уровнемъ здоровья бѣженцевъ и мѣстныхъ войскъ теперь уже ясна каждому, такъ что начальство не возражало противъ моего намѣренія, мѣстное же отдѣленіе Татьянинскаго комитета охотно пошло мнѣ навстрѣчу.

Мнѣ дали тетрадь адресовъ и санитара-латыша въ качествѣ переводчика: большинство здѣшнихъ бѣженцевъ, какъ я уже упоминалъ,—изъ Лифляндіи и Курляндіи.

Вотъ уже три недѣли, какъ я каждый день нѣсколько часовъ посвящаю обходу „шатровъ" новыхъ кочевниковъ.

Именно шатры — таково основное впечатлѣніе: временное жилье, что-то неустойчивое, зыбкое, бивуачное...

Даже тамъ, гдѣ сохранилось немного обстановки — или уже завели новую—даже тамъ, гдѣ главѣ семьи удалось пристроиться на службѣ или достать работу.

Какъ бы ни встрѣтили ихъ новыя мѣста, невольные кочевники не чувствуютъ себя дома; вотъ-вотъ, — боятся или надѣются они, — подымутся снова, будутъ искать новаго пристанища.

На лицахъ у дѣтей и у взрослыхъ—подавленность и тоскливое смущеніе: точно застѣнчивые люди, противъ воли очутившіеся въ гостяхъ...

Нѣтъ у этихъ людей ощущенія родной почвы, вросшихъ въ нее корней быта, и въ этомъ—разгадка многаго, очень многаго въ вопросѣ о бѣженцахъ. Впрочемъ, объ этомъ ниже.

На немощеной, разбѣгающейся улицѣ окраины городка—кривые, вросшіе въ землю одноэтажные домики, вѣрнѣе, бревенчатые срубы.

Была одна большая изба, а теперь ее, „путемъ дѣленія“, разгородили шелевками и рядномъ на три квартиры. Дѣтей, слава Богу, достаточно; одиннадцать штукъ. Изъ нихъ четверо грудныхъ.

Ну, съ маленькихъ что же взять — но остальныя, постарше — ходятъ они, по крайней мѣрѣ, въ дѣтскій садъ?

Оказывается, ходятъ туда только трое, остальныя томятся дома: у одного нѣтъ ничего верхняго, у другого сапоги худые, третья кашляетъ...

Обѣщаютъ въ комитетѣ сапожки, да когда это будетъ? Своихъ сапожниковъ у комитета нѣтъ и достать ихъ негдѣ, а заказывать на сторону — бѣшеныя цѣны теперь на кожу и на товаръ.

Дороговизна, какъ и вездѣ,—сейчасъ самая „модная“ тема у бѣженцевъ.

Измученная, изсиня-блѣдная Аврора Нимба—не имя, а сплошная поэзія! — счастливѣе другихъ: у нея на рукахъ только двое, мужъ и дочь. Счастье, впрочемъ, относительное: мужъ въ больницѣ — второй мѣсяцъ страдаетъ отъ развивающагося рака желудка, а у дѣвочки худенькое, старообразное, безкровное личико.

Былъ, правда, еще 14-лѣтній мальчикъ, онъ бы сейчасъ могъ что-нибудь заработать, да исчезъ куда то, когда изъ Якобштадта бѣжали. Четвертый мѣсяцъ уже, какъ въ воду канулъ.

Я завожу разговоръ съ этой „счастливицей“ о ея дѣвочкѣ: надо бы золотуху подлѣчить. Пусть придетъ съ этой, вотъ, запиской въ комитетъ, молоко будутъ для дѣвочки выдавать. Хорошо бы, конечно, и рыбій жиръ—но гдѣ же при вѣчной полуголодной діэтѣ!..

Мать судорожно благодаритъ меня за молоко. Ей и

теперь, правда, даютъ, но по крошечной кружкѣ: грудному развѣ впору. Да и то, сказали, скоро перестанутъ давать, если мать не начнетъ работать на табачной фабрикѣ.

А какъ же ей ходить туда: вѣдь на фабрику, за двѣ версты, надо къ шести часамъ утра, а значитъ, чтобъ успѣть ребенка одѣть, причесать и покормить, надо его будить въ четыре часа ночи...

А дѣвочка и такъ плохо спитъ,—пугается, все про нѣмецкія бомбы вспоминаетъ, плачетъ... Только подъ утро и заснетъ...

Разумѣется, въ комитетѣ не могутъ разбираться въ подробностяхъ каждаго отдѣльнаго случая. Вотъ и дѣлаютъ тамъ естественный, но сплошь и рядомъ глубоко ошибочный выводъ, что бѣженка не хочетъ работать и предпочитаетъ жить на благотворительный счетъ.

Такіе упреки по адресу бѣженцевъ раздаются очень часто; насколько они справедливы, этого я коснусь ниже, а сейчасъ вернусь къ населенію бѣженческихъ „становищъ".

Не всегда, конечно, первое впечатлѣніе отъ нихъ такое безотрадное и нищенское—напротивъ, иногда съ удовольствіемъ отмѣчаешь кровать съ бѣлымъ пологомъ, дешевыя картинки на стѣнѣ, будильникъ. Иногда бросятся въ глаза даже дѣтскія игрушки и голубенькія чашки съ разводами. Но чуть присмотришься—и это первое впечатлѣніе нѣкотораго уюта и комфорта пропадаетъ безслѣдно.

Оказывается, что дамскій велосипедъ, торчащій на лежанкѣ, безнадежно продавленъ, — его захватили съ собой, очевидно, съ перепугу, какъ на пожарѣ хватаютъ первое, что попадается подъ руку; что на шесть членовъ семьи имѣется всего только одна кровать и ни одного стула, что запорошенное снѣгомъ окно наспѣхъ заклеено бумагой, что дѣти истощены недоѣда-

ніемъ и что вся вообще жизнь здѣсь—сплошное недоумѣніе...

Девять десятыхъ всей тяжести бѣженства несетъ, конечно, мать—„всевыносящая" мать.

Жизнь безъ опоры, безъ центра, безъ будущаго. Точно щепка носится по водѣ...

Однихъ, пережитыхъ ими, ужасовъ бѣгства было бы достаточно для того, чтобы надорвать силы. Но матери не позволяютъ себѣ роскоши ныть, а тѣмъ болѣе думать или говорить о себѣ.

Я перевидалъ много десятковъ и сотенъ матерей, но ни одна изъ нихъ не использовала визита врача для того, чтобъ посовѣтоваться о самой себѣ. Онѣ жалуются на безработицу, на дороговизну, на болѣзнь дѣтей или старой бабушки, но никогда не останавливаются на себѣ, на своихъ недугахъ.

Точно имъ хворать и мучиться самъ Богъ велѣлъ...

Особенно меня поразилъ одинъ случай. Мать показалась мнѣ довольно спокойной, даже уравновѣшенной женщиной; какъ будто довольно ясно было выраженіе ея полумужского скуластаго лица.

Разсказала мнѣ о дѣтяхъ.

Я посовѣтовалъ кое-что, написалъ рецептъ для безплатной выдачи лѣкарства и собрался уходить. Уже на крыльцѣ я случайно замѣтилъ, что у матери самой очень плохой видъ: желтая, вокругъ запавшихъ глазъ темные круги. Спрашиваю черезъ переводчика: сама она какъ? здоровой себя чувствуетъ?

Этого вопроса, этого маленькаго вниманія нервы женщины не выдержали: она вдругъ, совершенно неожиданно для меня, разрыдалась.

Осложненія и бѣдствія здѣсь самыя разнообразныя.

Вотъ молодая, крѣпкая женщина, хорошая мастерица по трикотажу. Она могла бы въ мастерской недурно зарабатывать. Но на домъ матеріалъ не довѣ-

ряютъ—вѣдь бѣженки „птицы перелетныя“,—а уходить изъ дому ей нельзя изъ-за слабоумной сестры, взрослой дѣвушки: рядомъ, за перегородкой, много молодыхъ парней, и страшно за нее: мало ли что можетъ случиться.

Въ другомъ домѣ первое впечатлѣніе—кровать, довольно дорогая и нарядная. Какой нелѣпый контрастъ съ общимъ убожествомъ!..

Но эта кровать — единственная на всю семью, и занята она „тетей“, сорокалѣтней дѣвушкой, которая вотъ уже семь лѣтъ чахнетъ отъ туберкулеза.

Въ сосѣднемъ домѣ пріютилось цѣлыхъ три „бѣглыхъ“ семьи. Двѣ—какъ обычно, многодѣтныя и шумливыя, а третья, напротивъ, тихенькая-тихенькая. Эта послѣдняя состоитъ изъ... одной единственной дѣвочки, особы лѣтъ двѣнадцати.

Отецъ служитъ на пароходѣ въ Усть-Двинской крѣпости—если живъ еще: два мѣсяца уже нѣтъ отъ него извѣстій. Старшій братъ убитъ подъ Двинскомъ, мать и старшая сестра по дорогѣ сюда, въ вагонѣ, умерли отъ дизентеріи...

„Убранство“ комнаты состоитъ изъ матраца на полу съ пестрымъ тряпьемъ, одѣяла, самовара, ведра и узла съ платьемъ.

Дѣвочка неподвижно сидитъ на матрацѣ, не отрывая глазъ отъ своихъ богатствъ, и даже приходъ чужого дяди въ военной формѣ только на минуту выводитъ ее изъ оцѣпенѣнія.

Да, вотъ ужъ подлинно, гдѣ „мало словъ, а горя рѣченька!..

Общая черта та, что во главѣ семей въ подавляющемъ большинствѣ женщинъ: мужья на войнѣ, на службѣ, убиты, взяты въ плѣнъ...

Одинъ противуположный случай, гдѣ я именно мужа засталъ во главѣ семьи, обратилъ мое вниманіе еще по особому поводу.

Тѣхъ латышей-бѣженцевъ, которые значились въ моемъ спискѣ, я въ одномъ изъ записанныхъ домовъ не нашелъ: случается нерѣдко, что бѣженцы либо мѣняютъ квартиру, либо вовсе выѣзжаютъ изъ города. Нельзя же отъ нихъ и требовать, чтобъ они извѣщали объ этихъ перемѣнахъ: до того ли имъ?

Но зато я наткнулся здѣсь на другую семью бѣженцевъ, еврейскую,—имъ ведется особая регистрація въ особомъ еврейскомъ комитетѣ.

Любопытную иллюстрацію ко многому, что сейчасъ волнуетъ умы, я здѣсь услышалъ.

Я обратилъ вниманіе на необычный для бѣженцевъ составъ семьи: отецъ и три мальчика, старшему лѣтъ 14. Всѣ трое сидятъ и истово, нараспѣвъ читаютъ по древнееврейски.

— А гдѣ же,—спрашиваю я главу семьи,—ваша жена? Вы вдовецъ?

— Что вы, сохрани Богъ! Жена моя рожаетъ, надняхъ ждемъ ее сюда. Благополучно, слава Богу, родила. Опять мальчикъ. Четвертый, значитъ, дай Богъ ему здоровья.

— Гдѣ же она рожаетъ?

— Въ Тулѣ, въ родильномъ домѣ.

— Какъ же это она въ Тулу попала? Вы, вѣдь, бѣженцы? Изъ Западнаго края?

— Ну, да, мы сами изъ Ковенской губерніи, пріѣхали въ фургонѣ въ городъ Полоцкъ. Посмотрѣли туды, сюды—жить тамъ нечѣмъ. Вотъ мы и поѣхали сюда, въ Новгородскую губернію, мы и еще два семейства. Тутъ, намъ сказали, со льномъ работаютъ, а мы какъ разъ по этой части. Татьянинскій комитетъ далъ намъ, спасибо ему, вагонъ. Но вотъ бѣда: на же-

лѣзной дорогѣ намъ не позволили ѣхать прямо, а погнали въ объѣздъ, на Орелъ и Тулу. Вотъ въ Тулѣ я и оставилъ жену: пришло ей время рожать. А мы дальше поѣхали,—сюда, вотъ...

Изъ Витебской губерніи въ Новгородскую направлять черезъ Тулу,—это великолѣпно!

Бѣженцы тыла.

1.

Когда я приступалъ къ работѣ среди бѣженцевъ—я проработалъ около пяти мѣсяцевъ,—одинъ молодой, но уже извѣрившійся въ людяхъ, подозрительный врачъ, предостерегалъ меня:

— Будьте осторожны съ бѣженцами: они васъ эксплуатировать будутъ. Позовутъ къ себѣ, куда нибудь на край города, а пріѣдете—больного даже дома нѣтъ. Или такъ: всѣхъ дома застанете, но всѣ здоровы. А доктора позвали для того только, чтобы выпросить квитанцію на молоко, на бѣлый хлѣбъ, на теплую одежду...

Да будетъ стыдно этому Ѳомѣ невѣрному! За всѣ мѣсяцы моей работы бѣженцы ни разу не обманули меня, ни разу не вызвали по пустякамъ...

Если иногда мой врачебный визитъ и сводился къ запискѣ на молоко, дрова или калоши, то вѣдь, и это вопросы питанія, здоровья, трудоспособности!..

А такихъ случаевъ, чтобъ я не засталъ больного дома, и вовсе не было.

Впрочемъ, нѣтъ: одинъ такой случай былъ, и я тогда былъ уже готовъ разразиться упреками. Но какъ только узналъ ближе, что̀ и какъ—самъ устыдился своего намѣренія.

Вотъ этотъ случай.

... Вросшія въ землю, снѣгомъ занесенныя избы на глухой окраинѣ. Нумераціи тутъ не признаютъ: если на воротахъ и торчитъ номеръ, то его не прочесть, такой онъ ржавый и черный.

Спросить, гдѣ кто живетъ, тоже не у кого: съ пяти часовъ короткаго зимняго дня окраина замираетъ. Всѣ прочно сидятъ по домамъ, даже огонь рѣдко гдѣ виденъ,— берегутъ керосинъ, онъ—какъ и все—нынче кусается...

Электрическій фонарикъ тоже плохо помогаетъ дѣлу, и я съ большимъ трудомъ добираюсь, наконецъ, до нужной мнѣ избы.

Въ темнотѣ кто-то долго кряхтитъ, старчески кашляетъ, шаритъ по лавкѣ въ поискахъ спичекъ и, наконецъ, зажигаетъ свѣтъ.

— Кто тутъ боленъ?

Старикъ—онъ, впрочемъ, лицомъ еще далеко не старъ—отвѣчаетъ смущенно:

— Жена у меня больна. Только ее сейчасъ дома нѣтъ. Я позову, пойду.

— Какая же она больная, если ушла? Зачѣмъ вы тогда меня на домъ звали? Для этого амбулаторія есть.

И я, раздосадованный, собираюсь уже строго пробрать его за такую „эксплуатацію"...

Но тутъ я замѣчаю, что въ избѣ еще кто-то есть: въ углу зарылись въ тряпьѣ двое дѣтей.

— Это ваши дѣти?

— Нѣту, ваше благородіе, наши двое померши. Какъ сюда ѣхали. Прохватило ихъ, видно, въ холодномъ вагонѣ. Дю-уже кашляли! А здѣсь денъ пять-шесть только и пожили.

— А это чьи же?

— Дѣти-то? Не знаемъ, чьи. Мы когда изъ Валка бѣжали, отстали ото всѣхъ—все изъ-за болѣзни нашихъ маленькихъ. Вотъ тогда они, это двое, къ намъ и приблудились. Ровно собаченки: ни отца не найдутъ, ни

матери. Фамиліи своей, и то не знаютъ. Ну, хоть мы и сами въ дорогѣ голодомъ сидѣли, взяли энтихъ съ собой: не бросать же было такъ, на погибель...

Такъ эта полунищая чета, оказывается, еще благотворительствуетъ!.. Буквально послѣднимъ дѣлится съ чужими... Свои померли, а то „лишніе“ были-бы рты.

Потомъ выяснилось, что больная, къ которой я пріѣхалъ, по воду пошла. Мужъ бы пошелъ, замѣнилъ бы ее, да у него одинъ только пиджакъ, „вѣтромъ подбитый“. А у жены, какъ никакъ, тряпки наворочены...

Какъ жестоки и несправедливы были бы здѣсь мои упреки!..

Въ другой разъ меня на порогѣ бѣженской квартиры встрѣтили звуки—балалайки!..

Русская балалайка въ домѣ кореннаго латыша, всего какихъ нибудь два мѣсяца назадъ оставившаго родную Курляндскую деревню!.. И вообще музыка въ домѣ, гдѣ больные, гдѣ ждутъ врача, гдѣ и помимо болѣзней мало поводовъ къ веселью...

Звуки заливисто тренькаютъ, точно насмѣхаются... Вхожу, непріятно удивленный и озадаченный.

Первое впечатлѣніе — какое то подобіе ложа, а на немъ разметавшаяся женщина. Пятый день послѣ родовъ... Двойнями...

Я черезъ толстые сапоги ощущаю, какъ дуетъ съ пола—въ избѣ давно не топлено. Больна и родильница, и одна изъ новорожденныхъ.

Малютка легкая, какъ перышко, старообразная. Обѣ рученки уродливо искривлены,—точно сама судьба готовитъ ихъ къ тому, чтобы протягиваться за милостыней...

Мужа я нахожу за перегородкой. Это онъ, оказывается, „развлекается“ музыкой.

Но, нѣтъ, онъ вовсе не „весельчакъ по натурѣ“, а просто музыкальный мастеръ, беретъ работу у торговца на

базарѣ. Въ домѣ ни полѣна дровъ, а лавки сейчасъ запирать будутъ. Вотъ онъ и спѣшитъ закончить работу: сдастъ ее и немного дровъ достанетъ.

Объяснилъ мнѣ все это на ломаномъ русскомъ языкѣ и опять нагнулся къ балалайкѣ. Сжалъ губы, чтобъ не слышать писка своихъ наслѣдницъ и стоновъ жены, и все тренькаетъ, тренькаетъ...

Поистинѣ, нужда „пѣсенки поетъ"...

Изъ всего мучительнаго и безысходнаго, что я видѣлъ и вижу каждый день среди бѣженцевъ, одинъ эпизодъ особенно поразилъ меня.

Въ одномъ жалкомъ домикѣ я засталъ больную, дѣвушку-подростка, въ безсознательномъ состоянiи и съ очень плохимъ пульсомъ. Прописалъ лѣкарство и, уходя, предложилъ старшей сестрѣ больной зайти ко мнѣ еще вечеромъ, сказать, что новаго; если не станетъ лучше, я заѣду еще разъ.

Часовъ въ девять старшая сестра сообщаетъ, что улучшенiя нѣтъ, даже усилились судороги. Преодолѣвъ усталость за день, я рѣшаю взять съ собой фельдшерицу и поѣхать снова. Даль и глушь страшная, и мы съ фельдшерицей предлагаемъ дѣвушкѣ отвезти ее домой: въ саняхъ всѣмъ мѣста хватитъ.

Она смущенно благодаритъ и отказывается: она пришла не одна, внизу ждетъ двоюродный братъ.

По ея смущенiю ясно, что кавалеръ этотъ для нея больше, чѣмъ двоюродный братъ. Сегодня дивный лунный вечеръ, и имъ прiятно пройтись наединѣ — это такъ естественно! Хоть на полчаса забыть, что есть на свѣтѣ болѣзни, нужда, страданiя, хоть на полчаса вспомнить о своей молодости, о лунѣ.

Мы съ фельдшерицей уѣзжаемъ одни. Обгоняемъ и быстро теряемъ изъ виду двѣ тѣсно прижавшiяся другъ къ другу фигуры, облитыя луннымъ свѣтомъ.

Пріѣзжаемъ на мѣсто, и я спѣшу прямо къ кровати, гдѣ днемъ засталъ больную. Но ея уже нѣтъ: теперь тамъ расположилась какая-то семья, три человѣка. А больная гдѣ же?

Сосѣдка, высокая, угрюмая женщина, молча показываетъ мнѣ въ уголъ.

Дѣвушка уже часъ, какъ умерла. Подхожу ближе и къ ужасу своему вижу, что рядомъ съ завернутымъ въ простыню мертвымъ тѣломъ лежатъ два мальчика, братья умершей.

Подостлали рогожу, тряпки какія то, и уложили малышей спать—тутъ же, возлѣ трупа!..

Я такъ потрясенъ, что словъ не нахожу.

Сосѣдка своимъ озлобленнымъ, надорваннымъ тономъ—я еще днемъ его замѣтилъ—говоритъ:

— Что, господинъ докторъ, не нравится вамъ? Что подѣлаешь: ночью то, вѣдь, гроба не достать. Даже богатый не досталъ бы. До утра ужъ съ ею пробудемъ.

— Но нельзя-ли, по крайней мѣрѣ, вынести тѣло?

— А куда жъ его вынести?—отвѣчаетъ она вопросомъ, и въ тонѣ у нея уже явная отчужденность, почти ненависть.—Въ корридоръ нельзя, тамъ крысъ много.

— Такъ хоть здѣсь, на кухнѣ...

— Да, возлѣ печки!.. Въ кои то вѣки ее протопили. Горячая, запахъ, вѣдь, пойдетъ.

У меня опускаются руки: что тутъ сказать, что посовѣтовать?

Я сажусь писать записку въ комитетъ о пособіи на погребеніе, и стараюсь при этомъ не смотрѣть на биткомъ набитую „спальню", гдѣ трупъ.

Кромѣ кровати, на которой сейчасъ спятъ трое, на нарахъ и на полу размѣстились еще *восемь* человѣкъ. Мужчины, женщины и дѣти трехъ разныхъ семействъ, всѣ въ кучу...

Я пишу, и на моемъ лицѣ, вѣрно, отражается то, что я испытываю. Та же сосѣдка опять подходитъ и, какъ будто слегка примирившись со мной, говоритъ:

— Что вы, господинъ докторъ, удивляетесь? Мало ли теперь бываетъ. А какъ же на полѣ сраженія? Тоже вѣдь: живые, а рядомъ съ ними—мертвые...

Когда я спускался внизъ, спотыкаясь по хилой, склизкой лѣстницѣ, женщина уже вдогонку мнѣ крикнула:

— Мертвые что! Мертвыхъ бояться нечего, они не тронутъ. Живые хуже...

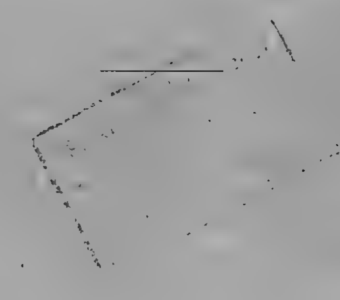
— А гдѣ отецъ умершей? — спросилъ я, чтобы отвлечь ея жгучія мысли.

Отецъ, оказывается, побѣжалъ встрѣтить и привести домой старшую дочь, которая отправилась за мною...

Онъ не знаетъ, что дочь ушла не одна, а съ кавалеромъ. А городъ чужой, а дорога дальняя. Какъ бы не заблудилась, какъ бы не обидѣлъ кто—дѣвушка молодая, красивая...

Старикъ только что принялъ послѣднее дыханіе одной дочери, положилъ ея тѣло рядомъ съ маленькими—и побѣжалъ охранять другую дочь, спасать ее отъ невѣдомыхъ опасностей,—вѣдь опасностями полна до краевъ всякая жизнь...

Онѣ всюду подстерегаютъ бѣженца, и ихъ разнообразію нѣтъ конца и нѣтъ предѣловъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Первые шаги 3
Дебютъ дружины 13
„Бракъ“ и „ломъ“ войны 22
1. На питательномъ пунктѣ . . . . —
2. Въ санитарномъ поѣздѣ 25
3. Хромой адъютантъ 28
4. Манжета 31
Въ близкомъ тылу 35
По слѣдамъ войны 39
У госпитальныхъ коекъ 48
Изъ записной книжки 56
Бѣженцы тыла 66
Бѣженцы тыла 77

Изданія состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА покровительствомъ СКОБЕЛЕВСКАГО КОМИТЕТА для выдачи пособій потерявшимъ способность къ труду воинамъ.

Петроградъ, Мытнинская ул., 27.

---

1. Большой стѣнной портретъ **Е. И. В. ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА**, исполненный особымъ способомъ, такъ называемой—„глубокой печати",—дающей эффектъ лучшей дорогостоющей гравюры. Экз. . . . . Цѣна 3 р.
2. Портретъ съ собственноручною подписью **Е. И. В. Великаго Кн. Николая Николаевича**, размѣромъ 25×16 см., исполненный по способу „глубокой печати" и наклеенный на плотную альбомную бумагу . . . . Цѣна 75 к.
3. Репродукція въ краскахъ съ картины, сост. собственность Его Императорскаго Величества ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА: **„Единеніе Царя съ народомъ"** . . . . Цѣна 2 р.

Исключительное право репродукціи этой картины принадлежитъ Скобелевскому Комитету.

Великая Русь въ борьбѣ съ нѣмцами. На память русскому народу Ѳ. Ѳ. Скворцовъ. . . . . Цѣна 40 к.

„Бѣлый генералъ"—М. Д. Скобелевъ.—Въ народныхъ сказаніяхъ со снимками съ народныхъ лубочныхъ картинъ. Л. В. Евдокимовъ. Изданіе 2-е . . . . Цѣна 40 к.

„Священный стягъ". Сборникъ новыхъ стихотвореній на сюжеты текущихъ военныхъ событій. Дмитрія Цензора. Изданіе 2-е дополненное . . . . Цѣна 75 к.

„Отзвуки войны". Сборникъ стихотвореній А. К. Съ предисловіемъ автора и приложеніемъ стихотвореній М. Конопницкой: „Къ границѣ". 1915 г. . . . . Цѣна 60 к.

„Зарницы войны". Е. Руссатъ. Повѣсти, разсказы и наброски съ театра военныхъ дѣйствій . . . . Цѣна 1 р. 25 к.

„Гадины тыла". Н. Н. Брешко-Брешковскій . . . . Цѣна 1 р. 50 к.

„Мирные завоеватели". Маркъ Чертванъ. . . . . Цѣна 35 к.

„Пѣсни о нѣмцахъ и туркахъ". В. М. Голиковъ (Wega) . . . . Цѣна 1 р. 25 к.

„Шпіонъ" по мемуарамъ нѣмецкаго шпіона. Переводъ Е. Руссатъ . . . . Цѣна 1 р.

Какъ австро-венгры вели войну въ Сербіи. Р. А. Рейса . . Ц. 85 к.

Въ тысячелѣтней борьбѣ. А. А. Коринфскій . . . . . Цѣна 1 р. 25 к.

Пребываніе въ германскомъ плѣну и геройскій побѣгъ изъ плѣна. К. Ю. Румша . . . . Цѣна 1 р.

В. Б. Фоминъ. Среди культурныхъ варваровъ. 14 мѣсяцевъ въ германскомъ плѣну. . . . . Цѣна 1 р.

2

Руководство къ постройкѣ обмундированія и снаряженія для нижнихъ чиновъ всѣхъ казачьихъ войскъ, кромѣ кавказскихъ и гвардейскихъ казачьихъ частей. Составилъ И. Тонконоговъ. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное . . Цѣна 1 р. 65 к.

1. **Наши казаки въ великой борьбѣ народовъ.** 2 тома. Собралъ И. Тонконоговъ. . . . . Цѣна тома 1 р.

2. Повѣсти и разсказы изъ народной жизни и военнаго быта Второй Отечественной войны, сочин. извѣстныхъ русскихъ литераторовъ: Брешко-Брешковскаго, Ап. Коринфскаго, А. Рославлева, А. Ремизова, В. Муйжеля, Будищева, Шишкова, Снѣгиной, Карпова, Ю. Слезкина, Вл. Ленскаго, С. Г. Скитальца, В. Кохановскаго и др. авторовъ. Всего 36 книгъ . . . . . . Цѣна 3 р. 60 к.

„Звѣрства противника“—роскошное изданіе, по образцу лучшихъ англійскихъ альбомовъ, со множествомъ фотографій, скомпанованныхъ въ отдѣльные художественно-выполненные листы, и шестью репродукціями съ цвѣтной фотографіи, помѣщенными на особыхъ плотныхъ паспарту. Какъ фотографіи, такъ и текстъ являются результатомъ изслѣдованій фактовъ, первой половины текущей войны. Изслѣдованія эти производились на мѣстахъ, со всею тщательностью и безпристрастіемъ, дабы это изданіе имѣло не временное значеніе, а могло съ полнымъ правомъ считаться серьезнѣйшимъ историческимъ документомъ.

Цѣна альбома—съ упаковкою . . . . 15 р.

„Казачья пѣсня“. Слова Агнивцева. Музыка Ю. Р. Кельберга . . . . Цѣна 40 к.

Побѣдный маршъ. Слова Е. Хмельницкой, музыка Ростроповича . . . . Цѣна 50 к.

ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА.

На прекрасной мѣловой крашенной бумагѣ, отпечатанныя въ краскахъ, съ акварелей извѣстныхъ художниковъ: на современныя военныя темы съ фотографій съ фронта и т. д.

Всегда имѣются новинки

по 10 коп. штука. Около 50 различныхъ сюжетовъ.

Заказы Комитетомъ исполняются отъ 50 коп.

При требованіяхъ не менѣе чѣмъ на сумму 2 р. 50 к. пересылка за счетъ Комитета.

Цѣна 1 руб. 1 р.

Тип. Имп. Ник. воен. акад. Петроградъ. Суворовскій пр., 32-6.

